

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Надежда ПЕРВУХИНА

ИЕРОГЛИФ «ИЗМЕНА»

Издательство «Азбука-классика»

Надежда Первухина
Иероглиф «Измена»
Серия «Иероглифы», книга 2

<http://www.fenzin.org>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159364
Иероглиф «Измена»: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; М.; 2006
ISBN 5-93556-795-4

Аннотация

В Яшмовой Империи настали времена государственных экзаменов и тайных заговоров. Молодой император заболел неведомой болезнью, и исцелить его может лишь та, которую воспитали феи... А в стране под названием Жемчужный Завет томится в плену принцесса Фэйянь, обманутая коварной властительницей. Кажется, печалям несть числа! Но вот Небесные Чиновники – они всем помогут и всех спасут! Как?! Они пьяны?! Что ж... Тогда за дело придется браться людям...

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Цзюань 1	6
Цзюань 2	15
Цзюань 3	24
Цзюань 4	32
Цзюань 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Надежда Первухина

Иероглиф «Измена»

Посвящается Ларисе Чегловой – она научила меня понимать судьбу и быть в радости...

Все вещи в мире – как рассыпанные монеты,
а чувство – нить, скрепляющая их.

Фэн Мэнлун

ПРЕДИСЛОВИЕ

Добро пожаловать, друзья! Жить вам по десять тысяч лет! А этот славный кабачок, что нынче посетили вы, прибавит и веселья вам! Все знают: сладкое вино, что подаем мы господам, сродни нектару звездных фей. Оно бодрит, и веселит, и кружит голову слегка, и гостю каждому язык оно развязывает враз! Глупец становится мудрей, простяга – важным как сюцай, а тот, кто мрачен и сердит, разгладит складки на челе, отведав нашего вина! К вину мы рис вам подадим и утку в соусе по-э, угрей копченых, ветчины, пампушек сладких и блинов! А усладив ваш строгий вкус, мы вас весельем усладим – чудесным пеньем и игрой на флейте, цине и тон-го. Мы будем петь на ноте шан и ударять на ноту юй, а после к гордой ноте чжи самозабвенно перейдем. И если пенье наше вдруг не по душе придется вам – не обессудьте, господа, на всех в миру не угодишь. И то сказать: чем выше песнь, тем меньше тех, кто вторит ей... Ай, ай, простите, господа, хозяйка наша подошла, и взор ее – осенний клен, а поступь – как волна Цанхе. Хоть нравом вольная она и добродетельной жены наскучило ей роль играть, хозяйка любит потешать рассказом сладостным гостей. Наряд ее – парча и шелк, в прическе жемчуга блестят, а веер, что дрожит в руках, расписан дивным Ци Байши! Хотя, быть может, это ложь, но кто же станет проверять... Хозяйка кланяется вам, садится за отдельный стол, с улыбкой в руки цинь берет и, струны нежно перебрав, уж начинает свой рассказ. О чем он?! О лазурных днях, о днях печалей и побед, о днях сражений и любви, о днях свиданий и разлук. Вот имена Фэйянь и. Лу, Нэнхун, Шэси и Баосюй в рассказе трепетно звучат. Прошу вас, слушайте, друзья, внимайте повести простой – простой, как сливы лепестки, что в воздухе весной кружат... И ваши добрые сердца, услышав речь о давних днях, уж по-иному застучат...

Цзюань 1 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН

Идут экзамены. И вот
Я добираюсь до столицы.
Который раз, который год
Мне слава полководца снится?
Идет невиданный опрос,
Бумаг и перьев шелест странный.
О боги, неужель всерьез
Хочу я плыть в иные страны?
Хочу лететь, дрожать и звать
С собою толпы и столетья.
Хочу людские души рвать
Высоких слов златою плетью.
Хочу на стыке бытия
Создать иллюзиям поэму...
Идут экзамены. И я
Беру предложенную тему.

Тяжелые резные двери Зала Возвышенной Мудрости бесшумно сомкнулись, отделив от внешнего мира тех, кому посчастливилось сегодня держать главный государственный экзамен.

Счастливых было всего дюжина и двое. Каждый сидел за отдельным столом; перед каждым в изящном порядке красовались драгоценности ученых и поэтов: отличная бумага, кисти, свежерастертая тушь и тушечница. Экзаменуемые сидели в трепетной тишине, вознося последние мысленные молитвы богам-покровителям своих семейств, – общее торжественное моление Небесным Чиновникам всех рангов уже было совершено. Лица экзаменуемых выглядели невозмутимыми и бесстрастными, но всякий истинный знаток церемонии государственного экзамена сказал бы, что бесстрастность эта – показная; ибо не нашлось на земле еще ни одной человеческой души, которая жаждала бы славы, почета и признания и не испытывала при этом болезненного, ничем не укротимого волнения.

Традиция проведения государственных экзаменов, позволяющая самым талантливым и ученым мужам проявить себя на нелегком поприще государственного служения, возродилась в Яшмовой Империи относительно недавно. В годы правления императора Жоа-дина из династии Тэн такие экзамены были делом привычным, но затем над Яшмовой Империей зажглась звезда долгих страданий. Император Жоа-дин был убит отвергнутой наложницей Шэси, которая затем провозгласила себя императрицей. Кровожадная самозванка по велению своей черной души запретила в Империи науку, искусство и литературу, что, впрочем, неудивительно: так поступает каждый дорвавшийся до власти узурпатор. Прошли годы, пока наконец дочь императора Жоа-дина принцесса Фэйянь смогла восстановить справедливость и поправленное право престолонаследия. Правда, императрицей Фэйянь пробыла не слишком долго, ибо душой больше склонялась к путешествиям и переменам, нежели к изысканной скуке дворцовой жизни. Владычица Фэйянь отреклась от престола в пользу своего брата – небесного императора Жэнь-дина и вместе с мужем отправилась в далекое путешествие к морю, красота которого, как говорят, дарит беспечальное счастье.

Однако труды Фэйянь не были забыты. В особенности это касалось каллиграфии и изящной словесности – кому, как не подданным Яшмового престола, ведомо было о таинственной силе каллиграфической кисти и начертанного слова – силе, одолевавшей меч и лук, разрушение и смерть. Потому у главного императорского каллиграфа господина Лу Синя всегда было довольно работы. Именно господин Лу Синь проделал великий труд по воссозданию церемониала государственных экзаменов, подобрал целый штат проверяющих чиновников и самостоятельно разработал темы экзаменационных сочинений. Человеку, далекому от понимания обычаев Яшмовой Империи, заслуги господина Лу Синя покажутся не стоящими пристального внимания и громкой похвалы, но тот, кто давно проникся мудрым духом Яшмового Пренебесного Селения, сможет оценить все как должно.

Государственные экзамены в Яшмовой Империи проходили в несколько ступеней. Сразу после Нового года начинался первый экзамен на низшее звание – *сюцай*. Жаждающие обладать зеленой шапочкой и лазоревым поясом-шнурком сюцай проходили испытания в уездных городах. Когда приходил черед месяца Страстного Пиона, наступали новые экзамены на следующее звание – *цзюйжэнь*. Выдержавшие сложные испытания цзюйжэнь получали вместе с грамотами и должностными назначениями церемониальный пояс о восемнадцати круглых бляшках из желтого нефрита. Первый по способностям и успехам цзюйжэнь именовался *цзеюань*, что в переводе означало «первейший из разъяснивших». Но и степень цзеюаня не могла удовлетворить самых честолюбивых и целеустремленных – они в месяц Теплой Циновки отправлялись в столицу Яшмовой Империи, город Тэнкин, и там держали главный государственный экзамен на степень *цзиньши*. В переводе на наш язык цзиньши означает «продвинувшийся¹ муж». Перед получившим это звание открывались двери самых важных государственных учреждений. Цзиньши мог стать советником императора, послом, составителем законов и указов, – словом, человеком, голосу которого согласно поговорке «внимает благоговейно тысяча ушей». Церемониальное облачение цзиньши состояло из сине-пурпурного халата, расшитого изображениями фениксов, а также длинной мантии из черной парчи, отороченной крученой золотой нитью с сотнями крохотных колокольчиков. Но даже не в колокольчиках дело! Цзиньши предстояли самому императору, обсуждали с ним дела государства, а одно лишь это стоит усилий, затраченных на экзамене.

Сразу следует оговориться. К экзаменам на ученые степени, разумеется, не допускались женщины. Поначалу императорский каллиграф господин Лу Синь пожелал изменить утверждение о том, что женщина по самой природе своей не может обладать государственной мудростью, и даже подготовил для императора постановление, разрешающее незамужним девицам из достойных семейств участвовать в экзаменах. Но долготерпеливый и смиреннейший император Жэнь-дин, глубоко раздосадованный очередной вздорной выходкой придворных дам, хозяйничавших во дворце сверх всяких понятий о приличиях, постановление не подписал и шепотом заметил господину Лу Синю, что «и так от них никакого спасения нет, пусть хоть в дела государства не вмешиваются».

Однако вернемся в Зал Возвышенной Мудрости. Экзамен, который предстоит сегодня выдержать четырнадцати соискателям, – самый ответственный и нелегкий, на степень цзиньши. Тему для экзаменационного сочинения назовет сам господин Лу Синь. Он же будет проверять работы, не доверяя этой чести никому из подчиненных. Господин Лу не первый год принимал экзамен, но его всегда охватывало некое волнение, когда он вглядывался в лица соискателей и читал сочинения, пытаясь обрести в их стройной каллиграфичности истину, необходимую собственному сердцу, окутанному плотным коконом церемониального одеяния.

¹ Продвинувшийся и продвинутый – не совсем одно и то же. Но похоже.

Господин Лу Синь сидел в своем малом кабинете и читал небольшой, немного потрепавшийся по краям свиток. Видно было, что господин императорский каллиграф перечитывает его не в первый и даже не в сотый раз. Слуга, явившийся за господином, почтительно склонившись, ждал, когда Лу Синь закончит чтение и обратит на него внимание.

Лу Синь дочитал свиток, на миг закрыл глаза. Поцеловал бесценные, нетускнеющие иероглифы и бережно убрал свиток в яшмовый футляр. Футляр вложил в рукав и лишь тогда обратил взор на слугу.

– Великий господин! – сказал тот. – Все готово. В Зале Возвышенной Мудрости ждут вас, дабы начать экзамен.

– Да, – кивнул господин Лу Синь. Поднялся, поправил широкие полы халата. – Иду.

Когда императорский каллиграф вошел в экзаменационную залу, его никто не приветствовал вставанием или поклонами. Таковы были правила, и установил их сам Лу Синь. Тех, кто пришел отдать свои силы за степень цзиньши, считал Лу Синь, сами достойны всяческого поклонения. Кроме того, императорский каллиграф не терпел подобострастия.

Господин Лу Синь сел на отведенное ему место, немного помолчал, ощущая всем телом звенящую напряженную тишину, и сказал:

– Почтенные мужи! Выслушайте тему сегодняшнего сочинения! Она звучит так: «Блаженство одиночества».

Никакого выражения на лицах. Ни возгласов, ни вздохов, ни растерянных взглядов. Почтенные мужи все как один склонили головы к своим бумагам. Служитель вывел кистью на большой беломраморной доске четыре иероглифа – озвученную императорским каллиграфом тему сочинения. Зашелестели кисти, и императорский каллиграф подумал, что за годы, отданные постижению иероглифов, он научился определять по звуку, какого кисть качества: колонковые движутся легко и небрежно, соболиные – мягко, плавно, размеренно, барсучьи – резко, с особым, едва уловимым свистом при соприкосновении с бумагой...

Но какая заслуга в том, что ты слышишь, с каким звуком падает капля туши на бумагу, и не слышишь голоса той, которая стала для тебя вечной любовью и мучением?...

«Довольно! – приказал себе господин Лу Синь. – Благодарение Небесной Канцелярии, есть в этом мире достаточно вещей, которые куда важнее любви. Благо государства. Родовая честь. Поиск истины. Торжество справедливости... Ты сам-то себе веришь, Лу? Уже сколько лет прошло, а ты до сих пор еще безумен, и, если во дворце кто-нибудь при тебе упоминает имя Фэйянь, ты прячешь глаза и отворачиваешься от самых дорогих друзей!»

Лу Синь указательными пальцами помассировал виски. Длинные острые ногти привычно царапнули кожу. Массаж не спасал от мыслей, которые сам императорский каллиграф почитал запретными и недостойными, но позволял сосредоточиться на текущих делах и событиях.

Помогло. Лу Синь спокойным и строгим взглядом рассматривал соискателей на степень цзиньши. Удивительно, как все они молоды. Горячая кровь, драгоценные сердца, готовые растратить себя на постную чиновничью жизнь... Во втором ряду слева сидит на диво красивый юноша; в глазах – мечтание, в пальцах, ласкающих дорогую мэнчуаньскую кисть, – явный талант. Похоже, он брал уроки каллиграфии в Северной провинции, да и сам – бледный, немного томный – истинный северянин. Как-то он напишет сочинение? Если выдержит экзамен и получит хорошую должность, станет сердечной отравой для всех дворцовых красавиц, уж в этом-то господин Лу Синь мог не сомневаться.

Томный северный красавец в этот миг наклонился, расправляя изысканные складки на подоле своего халата, и – так уж получилось – господин Лу Синь встретился взглядом с тем юношей, что сидел прямо за упомянутым красавцем.

«*Не может быть!*» – Что «не может быть», Лу Синь пока до конца не уяснил. Мгновения текли, а он совершенно неприлично для своего сана пялился на соискателя должности

цзиньши. Соискатель, кстати, оказался куда застенчивее императорского каллиграфа - тут же опустил глаза, продолжая споро выводить иероглифы, а потом и вовсе оперся на локоть, загораживая лицо пышным рукавом. Чем, кстати, возбудил в императорском каллиграфе еще большие подозрения.

«Небесная Канцелярия! – меж тем возмутился духом Лу Синь. – Для чего мне ниспослано это испытание? А я не сомневаюсь, что это испытание и ничто больше! Нет, я не позволю себе во второй раз совершить ту же ошибку. Напрасно закрываетесь рукавом, любезнейшая! Вы думаете, что провели всех, явившись в мужском наряде на государственный экзамен, однако меня не проведете!... Как у нее пунцовеют щеки, видно даже из-под рукава! И... Какое запястье – у нашего брата такого запястья вовек не отыскать. Негодница, негодница... Но что же делать? Не устраивать же прямо сейчас позорное разбирательство и разоблачение! А если еще и до императора дойдет, что мои подчиненные оплошали и пропустили на экзамен переодетую девицу... о, я представляю, как будет недоволен и возмущен император! Нет, какова нахалка! Откуда только она взялась на мою многогрешную голову?! Погоди же, злонамеренная девица, я твое жалкое сочинение так разгромлю, что навеки заречешься искать равной с мужчинами доли, расскаешься, выйдешь замуж, родишь детей и всю жизнь просидишь безвыходно во внутренних покоях!»

Мысленно отчитав соискателя, подозревавшегося в том, что он соискательница, Лу Синь внезапно успокоился и даже почувствовал некоторый подъем настроения. Верно говорят: неженатый мужчина желчен, а женатому легко – вся желчь расходуется на ежедневное держание в узде дражайшей половины, так для собственного здоровья полезнее. Взять хотя бы брата Яна: с тех пор как он женился на своей оборотнице, переменялся и характером, и взглядами на жизнь. Правда, Лу Синь не всегда понимал, кто кого в этой оборотничьей семье воспитывает. Очень уж супруга брата была норовиста и – в соответствии с норовом – клыкаста, когтиста и даже, по признаниям Яна, местами шипаста.

Меж тем в экзаменационную залу внесли первый шелковый фонарь – большой и медово-желтый, как перезревшая тыква. Он неярко мерцал и покачивался в руках служителя. Шелковый фонарь означал, что миновал первый час экзаменов. Еще ждать два фонаря, то есть в течении двух часов заняться императорскому каллиграфу решительно нечем. Разве что...

– Может быть, среди вас, почтеннейшие, уже есть те, кто закончил работу над сочинением? – негромко поинтересовался Лу Синь, оглядывая соискателей. – Буду рад такой стремительности ума...

– Позвольте моему недостойнству преподнести вам сочинение, господин Синь! – Ох, как же звонко и заносчиво прозвучал этот голос!

Императорский каллиграф нервно дернул себя за ус – была у него такая неизысканная привычка. Сурово сдвинул брови и посмотрел на нахалку. Да, именно на нахалку, дерзкую бессовестную девицу, которая мало того что обманом проникла в ряды соискателей должности цзиньши, так еще и сочинение сдает первой! Нет, если таких девиц в Пренебесном Селении станет множество, право слово, мужчинам придется прясть и сидеть во внутренних покоях, вытирая мокрые носы собственным отпрыском!

Господин Лу Синь смерил бесстыжую отчетливо строгим взглядом. Бесполезно. Лукавая девица встала из-за стола; намеренно резким мужским, а не плавным женским шагом подошла к возвышению, на котором располагался императорский каллиграф, и, поклонившись, протянула тому бумагу с еще не просохшими иероглифами.

– Уверены ли вы, что написали все так, как считаете нужным? – Господин Лу Синь в упор посмотрел на обманщицу.

Все-таки она не выдержала его взгляда, смешалась, спрятала дерзкие глаза за густыми ресницами. Но ответила упрямо:

– Да, господин императорский каллиграф.

– Хорошо, – кивнул Лу Синь. Взял сочинение, довольно-таки небрежно положил его на стоящий рядом резной столик из павлонии. – Полагаю, вы не забыли подписать свое сочинение?

– Не забыл, господин императорский каллиграф.

– Хорошо, – повторил Лу Синь. Надо же, *«не забыл»!* – Вы можете идти. Доска с итогами экзаменов будет вывешена в весенний праздник Борозды.

– Благодарю вас, господин императорский каллиграф.

Негодница еще раз поклонилась и направилась к выходу. Нет, какова самоуверенность! Словно весь мир только и ждет, когда она... Ах, видно, мало нянька секла ее в детстве, вот и вырастила совершенную бесстыд...

– Господин императорский каллиграф, ваш смиренный слуга закончил работу.

Лу Синь с искренним изумлением воззрился на подходившего к нему юношу-северянина.

– И вы? – только и сказал он. – Похвальное усердие. Дайте ваш свиток.

Движение юноши было слишком торопливым. Он даже не поклонился, как должно, и, что было верхом неприличия, громко затопал своими деревянными башмаками, нарушая благоговейную тишину Зала Возвышенной Мудрости.

«Куда мы так торопимся? – позволил себе мысленную насмешку Лу. – Уж не за передетой ли таинственной девицей? Не смей. Не сравнивай. Прекрати. Забудь».

За нетерпеливым северянином гулко захлопнулась дверь. Оставшаяся дюжина соискателей приникла к своим трудам с еще большим тщанием. Господин Лу Синь почувствовал, что его одолевает скука, но он заставил себя дожидаться, когда принесут второй шелковый фонарь, после чего принялся за чтение сочинения «бесстыдной девицы». Хотя он уже решил, что оценит эту работу самым неудовлетворительным образом, все же стоило полюбопытствовать, что ухитрилась написать эта... дерзкая.

«Одиночество прекрасно в любое время года.

Весной хорошо в одиночестве выйти на рассвете из дома. Перед тобой – дорога в зарослях сонной ююбы и мисканта. С нагих ветвей еще не сошел ночной иней; подтаявший снег схвачен тонкой корочкой – тронешь ее, она нежно прозвенит, словно чашка из дорогого фарфора. Прозрачен воздух, чисты глаза, прощены обиды. В одиночестве ты любишься зацветающей сливой и пьешь вино, беседа лишь с собственной душой.

Одиночество летом – все равно что веер в жару. Кругом все изнемогает от зноя. Душистые травы сетью расстелены по земле, никнут под тяжестью жаркого своего сока; босые ноги вязнут в них, как в предутреннем сне... Но в бамбуковой роще разлита сладкая прохлада, а заросшие ирисами и артемизиями заводы струят ароматы, будто храмовые курильницы. Под сенью гинкго можно лежать на траве, сбросив одежду, и кожей впитывать тайные соки плодоносной земли. Всякий другой человек в этот миг будет лишним и несносным; сонная тишина – для тебя, и ты – для тишины. Лишь птицы – верные собеседники тебе: пересмешник-чуйцзи с пышными переливчатыми перьями на крохотной головке, алоклювый вай-суй, что поет, уподобляясь голосу флейты, и печальная лихуан, вечно роняющая слезы в тоске по любимому...

Осень, дивную осень нужно встречать, будучи одиноким, – в этом есть мудрость, недоступная людям суеты. Осень возносит тебя над садами опадающих персиков, над звоном цикад, над закатными песнями жнецов. Если ты сумеешь открыть сердце осенней нежности увядания, то будешь сильнее великих владык и мудрее небожителей. В осенний час не зови гостей и сам в гости не напрашивайся, храни свое одиночество, как хранят императорские печати. И тогда зима не принесет тебе страха и отчаяния.

Когда первой зимней ночью выпадет снег, ступай перед рассветом один бродить посреди снегопада – разве есть в мире что-то прекраснее этой одинокой прогулки? Ты встречаешься глазами лишь со звездами, застенчиво выглядывающими из-за туч, холодный воздух гулок и прозрачен, от него в груди теснится волнение, которое никто не сможет понять, кроме тебя самого. Это благословенное сиротство – сиротство снежинки, падающей в горячую ладонь и тающей за миг...

Так прекрасно одиночество! Для чего же нарушать его? Быть может, для того, чтобы составить себе имя и запросто входить в дома знатнейших людей Империи? Или, поправ веления души, добиться богатства, а с ним и благосклонности самых неприступных женщин? А может, вообразить себе дружбу – преданнейшую и нежнейшую, и ради вымечтанного друга позволить душе скорбеть среди безмолвных звезд? Ничтожны эти упования; ни слава, ни богатство, ни дружба, ни любовь не имеют ценности по сравнению с ценностью одиночества. Одиночество – это редкостная яшма, все остальное – дорожная пыль под башмаками всякого идущего...

Что же написать в конце моего скромного сочинения? Люди суетны и переменчивы; их чувства не прочнее паутины, и лишь одиночество никогда не изменяет душе. Тот, кто познал это, – воистину блажен».

Господин Лу Синь перечитал свиток с экзаменационным сочинением несколько раз, притом меняясь в лице. Виски заныли, горло пересохло, словно императорский каллиграф вкусил желчегонного снадобья главного дворцового лекаря. Лу Синь глубоко вздохнул и глянул на подпись, стоявшую под сочинением:

Юйлин Шэнь.

В висках поднялась боль, которую, казалось, невозможно будет укротить никакими снадобьями. Опять придется вызывать мастера игл, чтобы он привел здоровье в относительный порядок... Но о здоровье потом, потом!

Размышления императорского каллиграфа приняли несколько лихорадочный оттенок: «Юйлин Шэнь... Юйлин Шэнь... Шэньский Нефрит?! Как такое может быть?! Вот уже несколько месяцев в Пренебесном Селении гремит слава об этом таинственном поэте из уезда Шэнь! Говорят, он живет совершенным затворником, никому не показывается на глаза, а на все приглашения вельмож отвечает отказом. Лишь его стихи бродят по стране, звучат и во дворцах, и в деревенских кумирнях... Я читал эти стихи и восхищался его мастерством управления словами, но поверить не могу в то, что этот поэт и самонадеянная девица, выскочившая из залы, – один и тот же человек! Да и мог ли Юйлин Шэнь написать такое простецкое сочинение? Образы вялые, а стиль напыщенный, да и тема почти не раскрыта. Нагишом лежать под деревом – разве в этом заключено блаженство одиночества? А что, если... Неужели дерзость может простираться до того, чтобы украсть почтенное имя поэта и поставить его под своим бездарным творением?! Нет, это не дерзость. Это уже беззаконие. А беззаконие мне как императорскому каллиграфу следует пресекать. Фэйянь, если бы ты была рядом, что сказала бы на это?...»

Императорский каллиграф от этих мыслей разволновался так, что едва дождался окончания экзамена. На работы других соискателей он уже не обращал внимания, продолжал стискивать в руке свиток с сочинением преступницы, посмевавшейся воспользоваться именем государственной знаменитости. «Как мне поступить? Доложить о случившемся императору? Неразумно. К тому же что говорить? Может быть, это всего лишь мои домыслы и девица – вовсе не девица, а прославленный поэт... Довольно об этом. Весной эта загадочная личность явится в Зал Мудрости, чтобы узнать результаты экзаменов. Тогда-то я и устрою ей пристрастный допрос».

Видимо, от верно принятого решения боль в висках унялась. Мало того. Среди душного воздуха экзаменационной залы вдруг пронесся порыв такого прекрасного сладко-

морозного осеннего ветра, что императорский каллиграф едва не вскрикнул от восторга. Впрочем, мгновение спустя, когда ветер принялся вовсю кружить по зале, взвихривая листки бумаги и перемешивая их с мелким колючим снегом, господин Лу Синь не удержал удивленного возгласа. Как и те, кто к тому времени еще оставался в зале. Ветер кружил над колоннами, вздымал парчовые полотнища, раскачивал деревянные изваяния восьми Небесных Чиновников. Опрокинулись столы, кисти разлетелись во все стороны, чернила брызнули на мраморные полы, – словом, церемония государственного экзамена была нарушена самым возмутительным образом.

Господин Лу Синь схватился за свою церемониальную шапочку и прокричал:

– Кто-нибудь даст мне ответ, что здесь творится?!

К нему подбежал (точнее, почти подлетел, не касаясь туфлями пола) перепуганный служка:

– Взгляните на крышу, милостивый господин!

Лу Синь поднял голову и оцепенел.

– О Небесная Канцелярия, – только и смог выговорить он.

В Зале Возвышенной Мудрости, как и в прочих дворцовых строениях, не было потолка. Плоская крыша из бамбуковых балок изнутри обтягивалась несколькими слоями шелка или крепа – в зависимости от важности комнаты, а снаружи бамбуковые балки покрывались либо фигурной черепицей, либо коваными листами железа, серебра или золота – опять-таки в зависимости от того, дворцовые это были покои либо служебные пристройки.

Так вот. Во всем дворцовом комплексе императора Жэнь-дина имелось единственное строение, где крыша была сплошь покрыта овальными щитами из чистого золота, – Зал Возвышенной Мудрости. Душа императора Жэнь-дина не была уязвлена страстью к совершенствам драгоценных камней и металлов, но, как всякий смиренномудрый, владыка Жэнь-дин относился к ним с почтением, ибо это были дары богов грешной земле. Собственную резиденцию император Жэнь-дин обставил елико возможно скромно, но вот на Зал Возвышенной Мудрости роскоши не пожалел, ибо считал, что мудрость – это и есть роскошь, не менее ценная, чем золото и нефрит. Золотые щиты крыши Зала Мудрости, украшенные редкостной гравировкой, эмалью и самоцветами, стоили столько же, сколько надел плодородной земли где-нибудь в предгорьях Шицинь. Ко всему прочему каждый щит был тяжеленек; бамбуковые балки пришлось выдерживать в особых составах, чтобы они не подломились под тяжестью золотой крыши...

И вот теперь взорам всех, кто находился в экзаменационной зале, предстали голые бамбуковые балки, прогибающиеся под напором ветра и оттого напоминающие ребра какого-нибудь гигантского дракона. Разодранные в клочья шелк и креп оглушительно хлопали – прямо как новогодние петарды. Сквозь гигантские дыры было видно потемневшее осеннее небо, все в стремительных серых тучах, несущих обильный снегопад...

– Ужасный ураган! – прокричал служка императорскому каллиграфу. – Ваша милость, прикажите всем покинуть Зал – здесь все, того и гляди, рухнет!

– Да, пусть уходят! – прокричал в ответ Лу Синь.

– Господин, что делать с сочинениями?

– Немедленно соберите в шкатулку, опечатайте и несите в мой кабинет!

– Слушаюсь!

Лу Синь стоял посреди Зала Возвышенной Мудрости, яростный ветер раздувал его одежды, и, несмотря на всю странность и опасность этого мгновения, императорский каллиграф чувствовал себя прекрасно. Соискатели степени цзиньши спаслись бегством, слуги тоже покинули Зал, один Лу Синь по-прежнему стоял не шевелясь.

– Стихия, – сказал он негромко. – Ветер, рожденный в кронах священных деревьев; ветер, свирепствующий на горных хребтах и пляшущий у подножия сосен; ветер, воющий

в пещерах и полостях земных; ветер, не признающий ничьей власти, кроме своей собственной... Есть ли кто сильнее и мудрее тебя?!

Лу Синь вздрогнул и невольно вжал голову в плечи.

Ибо ветер ответил ему:

– Медноволосый Тжонг сильнее ветра и других стихий, ибо все они подвластны ему, как рабы господину, как младшие братья – старшему! Убирайся прочь, глупец в чиновничьей шапке, если не хочешь быть погребенным под останками крыши!

После этого крика бамбуковые стропила опасно затрещали. Лу Синь решил не искушать судьбу и кинулся прочь из залы. Едва он миновал двери, как сзади раздался оглушительный грохот. Толпившиеся неподалеку от залы слуги подхватили императорского каллиграфа и в паланкине понесли прочь, подальше от неприятностей.

Но, как оказалось, неприятности еще не закончились. Когда, сидя в паланкине, Лу Синь приводил в порядок свою одежду, с рукава он снял длинный волос – из тончайшей и мягкой меди, блестящий, как полоска закатного света в неплотно притворенном окне.

– Медноволосый Тжонг, – проговорил Лу Синь, в сильнейшем смятении разглядывая волос – Вот не было напасти! Неужели это и впрямь его рук дело! Эй! Немедленно доставьте меня в личные покои императора!

Меж тем в Малом императорском дворце властвовали спокойствие и тишина. Видимо, придворные дамы нашли себе новое развлечение и оставили императора в относительно благословенном одиночестве. Государь Жэнь-дин развлекался тем, что, разложив перед собой высушенные стебли тысячелистника, постигал умение гадания по Книге Станных Предзнаменований. Лицо владыки Пренебесного Селения было столь отрешенным и сосредоточенным, что в сердце Лу Синя шевельнулось сомнение: как может он отвлекать по пустякам святейшего государя?

Впрочем, разрушенный потолок экзаменационной залы и таинственный Медноволосый Тжонг – это разве пустяки?!

– Благоприятно свидание с великим человеком... Перейди реку вспять – хулы не будет... Что бы ни означало перо белого лебедя, воткнутое в рукав, смело ступай своей дорогой... Мм... Я слушаю тебя, почтенный каллиграф.

– Государь, – заговорил Лу Синь, кланяясь, – произошло нечто невероятное.

Император поднял лицо от гадательных стеблей. Лу Синю показалось, что аромат сухого тысячелистника заполнил всю комнату – до того, что зацарапало в горле. Государь внимательно посмотрел на своего первого каллиграфа. Обликом благословенный Жэнь-дин был чрезвычайно молод, но вот взгляд его выдавал особый возраст и особую мудрость, доступную лишь тем, кто родился не на земле, а на небе. Глаза Жэнь-дина засветились проницательностью.

– С какой новостью ты пожаловал ко мне, дорогой господин Лу Синь?

Тот церемонно поклонился:

– Как известно вашему величеству, сегодня в Зале Мудрости проходили экзамены на степень цзиньши, – заговорил Лу Синь. – Все шло благополучно...

«А переодетая девица? Но нет, об этом пока не стоит говорить!»

– ...шло благополучно до того момента, когда выяснилось, что неким сверхъестественным способом с крыши Зала исчезли все золотые щиты.

– Что, все до единого?

– Именно так, мой государь.

– Но ведь их, если мне не изменяет память...

– Двести восемнадцать, государь.

– Не могло же просто ветром унести такое количество золота! – всплеснул руками Жэнь-дин.

– И тем не менее, – склонил голову императорский каллиграф. – Эти щиты будто всосал в свою необъятную глотку бог громовых облаков. Хотя, да позволено мне будет заметить, бог здесь все-таки ни при чем. К преступлению руку приложил человек. С этими словами Лу Синь протянул императору кусок черного бархата, на котором, как отблеск пламени, золотился длинный волос.

– Что это? – брезгливо поморщился император, словно ожидая от медного волоса некоего подвоха.

– Ваш покорный слуга случайно обнаружил этот волос и сделал вывод, что он принадлежит известному разбойнику по прозвищу Медноволосый Тжонг.

– Медноволосый Тжонг?! Уж не тот ли самый, что в месяц Страстного Пиона похитил аметистовый бассейн из сада князя Сан Ча, да еще в тот момент, когда сам князь купался в этом бассейне?!

– Да, государь.

– Это не Медноволосый ли Тжонг, переодевшись слепым паломником, проник в горный монастырь Ушань-нянь и выкрал из кельи настоятеля три сундука с изумрудными четками редкостной ценности?

– Да, государь.

– Помнится, настоятель был очень недоволен. Да уж. Этот неуловимый и неуязвимый Медноволосый Тжонг известен по всей нашей державе, но никто и никогда не видел его лица. Не говоря уж о попытках его поймать... Теперь он совсем стыд потерял – в день государственного экзамена явился во дворец и ободрал крышу священного Зала подобно тому, как ощипывают курицу! Довольно. Моему терпению пришел конец. Немедленно вызовите ко мне начальников внешней и внутренней стражи. Пусть закроют все ворота в город, осматривают все улицы и переулки, останавливают каждого подозрительного человека... Ты же, мой каллиграф, не печалься. Ведь не в золотых щитах дело, а в том, что преступник играет с нами, как младенец с деревянным волчком... Но будет об этом. Скажи, Лу Синь, обилен ли урожай сочинений в этом году? Есть талантливые?

Но императорский каллиграф не успел ответить государю на эти вопросы.

В залу вбежал старший хранитель государственной сокровищницы и пал ниц перед престолом.

– Что еще стряслось?! – вскричал император.

– Посадите, великий владыка! – не проговорил, а скорее прорыдал несчастный старший хранитель. – Они исчезли! Мы не знаем, как это произошло! Их стерегли, как всегда, неотступно и неусыпно, но они...

– О чем идет речь? – Император Жэнь-дин нахмурился и сейчас на некоторое время напомнил обликом своего отца, покойного владыку Жоа-дина.

– Благожелательные Жезлы, – прошептал старший хранитель. – Исчезли. Все четыре. А на их месте... Вот.

Хранитель сокровищницы разжал ладонь и что-то стряхнул с нее на пол. Императорскому каллиграфу даже не пришлось наклоняться для того, чтобы понять, что это медный волос, блестевший, как насмешливая улыбка.

Цзюань 2

РАЗВЛЕЧЕНИЯ ВЕТРОТЕКУЧИХ²

Снится бабочка святому.
Снится бабочке святой.
Над моей тропинкой к дому
Свет сияет золотой.
В пустоте рождается нечто —
То, что прежде пустоты:
Тьма и свет, и чет, и нечет,
И деревья, и цветы.
Происходит столкновение,
Узнавания смех и дрожь.
Сладость каждого мгновенья
Ты, теряя, обретешь.
Жизни горечь и истому
Ты узнаешь в миг простой-
Снится бабочка святому.
Снится бабочке святой.

Чтецу рукоплескали. Он — совсем юный, но уже отмеченный небрежным поцелуем славы — взмахнул рукой с раскрытым веером и крикнул:

— Еще по кувшину шансинского всем! Да что за служанки в этом заведении — их не дозовешься!

В ответ раздался возмущенный возглас:

— Неправда ваша, достойный господин! Мы уже все ноги оттоптали, без конца подавая вам вина и закуски!

Молоденькая и оттого прелестная служанка, набеленная и насурьмленная сверх всякого разума, принесла глиняный кувшин и принялась разливать вино в чарки. Чтец, который только что восхищал всех своими стихами, получил чарку первым и осушил ее со словами:

— Пусть нас не оставит удача, даже если мы и не выдержим экзамена!

— Ты, видно, из рода беспечных небожителей, добрый поэт! — сказал на это тот самый соискатель, которого императорский каллиграф мысленно назвал «томным северным красавцем». — Совсем не переживаешь за свою карьеру.

— Карьера?! — рассмеялся поэт. — Это слово выдуманно скучными людьми, у которых в жилах вместо крови текут чернила. Да и разве не говорит мудрец: «Для кого мне стараться, кто услышит меня, кроме гор, и свирепого моря, и ночных облаков!» О карьере стоит волноваться тому, кто обременил себя семейством: капризной женой, что по три раза на дню меняет платья и перебирает украшения в шкатулках, а коль у ее соседки появилась новая шпилька, мучит и терзает мужа, лишь бы он вновь потратился на женины прихоти...

— Ты не прав, жены иногда бывают весьма смиренны, хозяйственны и не перечат мужу, — сказал один из сотрапезников, на лице которого, однако, при слове «жена» образовалась некоторая досада.

² Ветротекучие (фэнлюцзы) — люди творческие и не обремененные карьерой, поэты, художники и т.д.

– Оэ! – рассмеялся поэт. – Хорошая жена – это редкость вроде звездной росы, которая, как гласят Каталоги Диковинных Явлений Пренебесного Селения, появляется на траве в час встречи созвездий Вышивальщицы и Кузнеца ³! Но даже если и досталась тебе как цветок или яшма, готовая носить тростниковую рубашку и вместо служанки самолично работать совком и метлой, разве это успокоит тебя? Заведешь детей и примешься думать лишь о том, как продвинуться по службе, чтобы прокормить отпрысков сладким куском хорошей жизни! Не скучно ли такое существование?!

– Слова твои слишком язвительны, любезный друг, – заметил красавец северянин. – И есть в них доля лицемерия.

Поэт прищурился:

– Лицемерия?

– Да. Коль ты не заботаешься о карьере и ни во что не ставишь все земные достижения, чего ради сам вызвался участвовать в экзаменах?

Остальные сотрапезники зашумели, высказываясь в том же духе.

– Увы, – насмешливо развел руками поэт. – Тут вы меня поймали. Придется мне клятвенно заверить вас, что на эти экзамены шел я не по своей охоте.

– Вот как!

– Да. К тому принудила меня моя старшая сестра. Мы рано остались без родителей; ближайшие родственники не пожелали нас опекать, потому сестрице пришлось заменить мне отца и мать. Сестра вырастила меня и потребовала, чтобы я сдал экзамены на государственную должность. Только тогда она будет спокойна за мою судьбу и сможет выйти замуж. Как мешать счастьем родной сестры? Мог ли я отказать ей в ее просьбе?

– О, это очень благородно! Сколько лет вашей достойнейшей сестре?

– Двадцать пять, но прошу вас не беспокоиться, господа, у нее уже есть жених.

Все засмеялись. Юный поэт, поначалу возмущивший многих своими вольными речами о карьере, теперь, наоборот, вызвал симпатию. Разговор сам собой повернул на обсуждение прелестей самых известных и родовитых незамужних красавиц Империи.

– Говорят, две дочери цянского наместника Гэ Хуая прекрасны, словно воплотившиеся богини, – сказал один из гостей. – Правда, никому не удавалось и глазком на них глянуть – дочек из дому выпускают лишь на молебен в храм, да и то везут в закрытом паланкине. А в храме, когда эти девицы молятся, не должно быть ни единого постороннего мужчины.

– Так, может, все дело в том, что дочки, наоборот, уродливы, будто земляные груши, вот их ото всех и скрывают! – рассмеялся другой. – Выпьем за то, чтобы нам не пришлось жениться на подпорченных красавицах или на уродинах!

Снова было принесено шансинское в высоких узкогорлых кувшинах, снова звенели чарки, стучали палочки для еды, а на особых подмостках уже устраивались нарумяненные музыкантши с ци-нями и флейтами, настраивали инструменты, готовились услаждать слух беспечных гостей «Летающей ласточки».

Двухпалубная башня-джонка «Летающая ласточка» была истинным земным раем для ветротечущих – молодых людей, наделенных разнообразными талантами, беспечностью и невообразимым легкомыслием (и, разумеется, солидным состоянием, позволяющим легкомыслию никогда не заботиться о средствах для исполнения любых прихотей). Владелицей «Летающей ласточки» была почтенная госпожа Су Данян, в прошлом певичка и танцовщица, а также непревзойденная мастерица в искусстве Нефритовых покоев. Знание указанного искусства со временем принесло Су Данян приличное состояние, которое находчивая женщина и потратила на постройку огромной джонки, решив тем самым раз и навсегда лишить

³ Созвездия Вышивальщицы (Му-чжоу) и Кузнеца (Дунь-чжоу), по свидетельствам астрономов Яшмовой Империи, сближаются на небе раз в пять тысяч лет.

безмятежного сна остальных содержательниц веселых кварталов во всем славном городе Тэнкине.

Ах, что это был за корабль – просто сон наяву! Корпус обшит королевским едром – драгоценным деревом, что произрастало лишь в землях, принадлежащих далекому полусказочному государству под названием Тарсийское Ожерелье. Королевский кедр был прочен и легок, не гнил, не обрастал ракушками и к тому же с годами не терял прелестного аромата летней лесной свежести, за что и ценился знатоками корабельных премудростей. Нависающие над водой нос и корма выглядели как свадебные уборы высокородной красавицы – до того щедро они были изукрашены кованным серебром, шлифованным нефритом и полированной яшмой. Слишком высокие борта джонки, свидетельствующие о невероятном искусстве резчиков по дереву, свидетельствовали также и о неважной остойчивости судна, но, в конце концов, «Летящая ласточка» никогда не покидала уютных и покойных вод реки Ингинь ради далекого и опасного моря. «Летящая ласточка» создавалась для развлечений, праздности и всевозможных усад. На нижней палубе этого царства наслаждений располагались обитые драгоценным шелком каюты для тех, кому требуется уединение; на верхней – пиршественная зала, подмости для актеров и танцовщиц, а также комнатки, хозяйками которых являлись самые очаровательные и нестрогие девицы, призванные всячески улаживать гостей джонки. Помимо всего прочего верхняя палуба была украшена башенкой-беседкой – резной и легкой, словно кружевное покрывало. На главной мачте полнился ветром атласный парус – лилового цвета с вышитой серебром ласточкой. Два кливера и стаксель обеспечивали кораблю-дворцу достаточную ходкость, а большое кормовое весло – маневренность. От вершины мачты к носу, корме и бортам тянулись плетеные шнуры, несущие на себе бесчисленное количество разноцветных бумажных и шелковых фонариков; когда эти фонарики разом начинали сиять в ночной мгле, отражаясь в воде, разгоняя своим светом плотный ночной туман, – это было умопомрачительное зрелище. «Летящая ласточка» – вся в сиянии огней, в облаке благовоний, в звоне музыкальных инструментов и отголосках веселых песен – медленно двигалась вдоль берега, одним своим видом призывая потерять голову и отдать последнее состояние хотя бы за единственную ночь, проведенную на ее борту.

Город, главная река которого была осчастливлена постоянным дрейфом этого корабля наслаждений, назывался Цзи, то есть Предел. Город Цзи, соответственно, возник из окраин, небогатых и рабочих пределов столицы Яшмовой Империи – Тэнкина. В Цзи-Пределе жили гончары, ткачихи, белошвейки, плетельщики циновок-путуаней, резчики шкатулок и идолов для домашних кумирен – люд небогатый, смиренный и превративший свое смирение и бедность в нечто вроде особого культа. В Цзи сдавались самые опрятные и дешевые комнаты с полным столом; придорожные харчевни торговали пирогами с гусятиной и свиной. В маленьких винных лавках, огороженных бамбуковыми заборчиками, подавали крепкую настойку из гаоляна да дешевые рисовые вина. Словом, разве это не рай для молодых повес и молодых же скромников, приезжающих попытать счастья на государственных экзаменах! А для того чтобы этим соискателям с тугими кошельками и самонадеянными мечтами не приходилось скучать в перерывах между экзаменами, и существовала «Летящая ласточка». Вернемся на нее и мы, о мой благопослушливый читатель!

...Разговоры о важности карьеры, о прелестях незамужних девиц давно уже прискучили подвыпившим гулякам – обильные возлияния сделали свое дело, погрузив каждого из гостей в мир его собственных грез и переживаний. Госпожа Су Данян, мудрая, как все хозяйки заведений подобного рода, приказала особым девушкам-массажисткам сделать гостям пребывание в мире грез еще более приятным. Наш герой – юный, презирующий карьеру поэт – полулежал, опершись на грудь подушек, и взглядом человека, владеющего всеми мирами, смотрел на сотрапезников. Маленькие, но сильные ладони массажистки разминали ему затылок и шею, прогоняя лишний хмель. Напротив поэта сидел северный краса-

вещ и буквально не сводил с того глаз. Чувствовалось, что некое желание гложет его сердце. Наконец он не выдержал.

– Почтенный господин! – обратился юноша к поэту как раз в тот миг, когда он, изнеженный массажем, дремотно смежил веки. – Позвольте обратиться к вам со словами дружбы и восхищения...

– А? – встрепенулся поэт. Бессознательным движением поправил на груди широкий ворот своего лазоревого халата. Отвел ладони массажистки и укоризненно поглядел на томного красавца. – Есть ли ценность в тех словах, ради которых вы лишаете меня сладкой хмельной дремы?

Томный красавец смутился, но лишь на миг. Видимо, желание, снедавшее его, было столь велико, что попирало все понятия о приличии.

– Простите великодушно, – сказал он. – Мое имя Ши Мин, я из рода инлиньских Минов. Впустую прожил на земле двадцать четыре года, не обрел ни жены, ни детей, ни государственного звания...

Его собеседник зевнул, деликатно прикрывшись веером. Затем сказал:

– Род инлиньских Минов – едва ли не самый славнейший во всей Яшмовой Империи. Владычица Фэйянь, да продлит Небесная Канцелярия ее дни, даровала инлиньским Минам малую халцедоновую печать за верность престолу в тяжелые годы... Мой же род невелик и незнатен. Отчего вы дарите меня своим вниманием?

– Я мечтаю о дружбе с вами, – откровенно признался Ши Мин. – По всему видно, вы человек одаренный. Ваши речи и стихи...

– О, мои стихи! Дорожную пыль вы приняли за яшму! – отмахнулся юнец. – Ничего в моих стихах особенного нет.

– Неправда! – Томный красавец оказался на удивление пылким для северянина. – О, если б я мог стать вашим другом – дни моей никчемной жизни проходили бы тогда не напрасно!

– Дружба? – задумчиво переспросил поэт. – Мудрецы говорят, что это дар богов и сила, побеждающая саму смерть. Но давайте уговоримся сразу, господин Ши Мин: лесть между друзьями ни к чему. А потому, если хотите стать моим другом, забудьте про мои стихи – это безделки ради того, чтоб развеять скуку, и не более.

Поэт взял кувшин и сам налил вина в две чарки. Одну из них протянул Ши Мину.

– Ваше имя я узнал, – сказал поэт. – Узнайте и вы мое ничтожное имя. Зовут меня Юйлин Шэнь из рода Шэней, и я впустую прожил двадцать один год на этой благословенной земле. Да что с вами? Вы пролили вино...

– Юйлин Шэнь, – прошептал Ши Мин, бледнея.

– Да, таково мое имя, и не понять мне, что в нем необычного...

Ши Мин залпом осушил чашу и покачал головой:

– Ваша скромность не знает границ, великий господин! А вашим стихам нет ничего равного во всем Пренебесном Селении!

– Ах, вот в чем дело... – усмехнулся Юйлин Шэнь. – Опять стихи! Похоже, они сослужили мне дурную славу – бродят вдалеке от хозяина, будоражат всю страну и даже не позволяют с другом поговорить душевно...

– Нет, я не то хотел сказать! Мне просто не верится, что я сижу рядом с великим поэтом. Гордость переполняет меня!

Внезапно лицо Юйлин Шэня исказилось.

– А меня переполняет нечто иное... Похоже, копченые угри и персиковое вино не пошли мне впрок. Не будете ли вы так добры подать мне вон тот медный таз... Благодарю.

Пару минут спустя поэт выглядел бледно, но бодро.

– Увы, мой дорогой господин Ши Мин, – вздохнул он, обтирая рот влажным платком. – Природа поэта ничем не отличается от природы самого обычного пьяницы и чревоугодника. Кликните служанку, пусть уберет таз.

– Да, да, – торопливо кивнул Ши Мин. – Я еще велю им принести ароматических палочек. Их дым хорошо помогает против дурноты.

– Вот воистину забота друга! – воскликнул Юйлин Шэнь. И насмешливо добавил: – Надеюсь, эта маленькая неприятность не помешает нашей начавшейся дружбе?

– Ну что вы! – в тон ему ответил Ши Мин. – Я, можно сказать, увидел вас изнутри...

Оба молодых человека расхохотались. Вошедшая служанка поставила курильницу, струящую горьковато-свежий аромат, и подала Юйлин Шэню отвар целебных трав, припасенных как раз для таких случаев.

– Почтенные господа, – сказала она. – Не угодно ли вам взглянуть на самое смешное зрелище в Пренебесном Селении?

– Звучит привлекательно, – хмыкнул Юйлин Шэнь. – Глянем, друг?

– Куда ты, туда и я, – ответил Ши Мин.

– В таком случае извольте подняться на верхнюю палубу, – предложила служанка. – Там уже все собрались. Только умоляю вас, что бы ни случилось, сохранять серьезное выражение лица...

– Сплошные загадки, – сказал Юйлин Шэнь, поднимаясь. – Ну-ну...

На верхней палубе миндальной косточке негде было упасть – повсюду сидели и стояли гости, певички, флейтистки и танцовщицы, и на лице каждого присутствующего было написано странное ожидание, готовое перейти в самую язвительную насмешку. Мало того, у резной беседки в кресле сидела сама хозяйка «Летающей ласточки» – почтенная Су Данян – и развлекалась тем, что заставляла ручного сверчка прыгать с ее плеча на веер и обратно.

Служанка, которая привела Юйлин Шэня и Ши Мина, постаралась усадить их на почетные места и прошептала:

– Погодите немного! Сейчас начнется...

Все бывшие на палубе обменивались многозначительными и насмешливыми взглядами, лишь Су Данян невозмутимо продолжала испытывать терпение своего сверчка. Внезапно за кормой раздался плеск, и в борт будто бы ударило весло – небольшое весло небольшой лодки...

– Кто там? – нарочито громко крикнул кормовой матрос.

– Это Пэй, продавец креветок! – послышался из-за борта голос – Свежие креветки! Не угодно ли почтенной госпоже Су Данян купить свежих креветок?!

Су Данян поймала заморенного сверчка и спрятала его в золотую коробочку, висевшую на шнурке у пояса. Улыбнулась, как змея, разорившая птичье гнездо, и сказала громко:

– Здравствуй, славный Пэй! Поднимайся на борт да прихвати корзину; у меня сегодня много гостей, а значит, и на креветок будет спрос!

– Благодарствую, почтенная Су Данян!

С этими словами на палубе «Летающей ласточки» оказался молодой человек из разряда тех, про кого говорят «и собой хорош, да в кармане грош». Парень был высок, крепко сложен; на обветренном и загорелом лице его черные глаза и брови блестели, как нарисованные лаком на деревянной маске. На затылке выбритой головы висела длинная тонкая коса. Одежда могла бы даже именоваться нарядной, если бы не степень ее изношенности – чувствовалось, что молодой человек купил ее по случаю в дешевой лавке и даже не знает толком, как правильно носить складчатые шаровары или рубаху с меховой выпушкой. За плечами у него высилась плетеная корзина, распространявшая неопишуемый рыбный запах, так что некоторые из чересчур чувствительных гостей и певичек принялись обмахиваться надушенными веерами.

Пэй ловко снял корзину и поставил ее на палубу:

– Взгляните, почтенная Су Данян, отличные креветки! Я сегодня ловил в проливе Фань, а тамошние креветки...

– Верю, верю, – оборвала речь парня Су Данян. – Я и смотреть не буду, куплю у тебя всю корзину. Эй, девочки, отнесите-ка корзину повару, пусть начинает готовить острый креветочный соус и протертый суп с побегами бамбука!

Корзину немедленно унесли. Пэй стоял, и видно было, что он растерян – кругом роскошно одетые мужчины и женщины, и все бесцеремонно разглядывают его, будто какую-то диковинку.

А Су Данян меж тем спросила:

– Любезный Пэй, у меня сейчас нет мелкого серебра, чтоб расплатиться за креветок, но, может быть, я чем-то другим смогу отплатить тебе?...

– Однако! – прошептал Юйлин Шэнь своему новому другу. – Эта старуха предлагает себя такому простаку!

– Нет, друг, здесь что-то другое, – усмехнулся Ши Мин. – Могу поклясться всей Небесной Канцелярией.

Ши Мин, конечно, оказался прав. Су Данян и не думала предлагать себя безродному продавцу креветок. Впрочем, тот и не польстился бы на ее прелести. Когда она задала Пэю вопрос, тот покраснел, потоптался на месте, а затем тихо спросил:

– Нельзя ли мне нынче увидеть Бирюзовую Царицу?

– Кто такая Бирюзовая Царица? – немедленно поинтересовался Юйлин Шэнь у Ши Мина.

– О! Ты не знаешь! Это самая красивая, даровитая и разборчивая девица из всех, находящихся под началом у Су Данян!

– Как это – разборчивая? Разве продажной пристало выбирать, кто купит ее ласки? Смешно это слышать, право!

– Тише, дорогой друг. Видишь ли, Бирюзовая Царица не из таких.

– То есть?

– Ну, по слухам, она из высокого рода, но все родственники ее обеднели, вот и пришлось ей, чтоб расплатиться с долгами предков, отдать себя в уплату. Но когда она пришла к Су Данян на «Летящую ласточку», то выговорила себе право: самой выбирать, какого посетителя ублажить, а какого – прогнать ни с чем. И Су Данян с этим согласилась – с тех пор у заведения еще больше стало поклонников, а с Бирюзовой Царицей жаждут встречи так, будто она сама Небесная Чиновница, а не продажная девка!

– Забавно, забавно... Так, значит, скромный ловец креветок хочет вкусить любви этой норовистой певички?

– Да, и приходит он за этим не впервые. Но у Су Данян всегда найдется предлог, под которым она откажет увальню во встрече с Бирюзовой Царицей. Да и за креветки и рыбу «забудет» заплатить... Но тише! Послушаем, что скажет этому глупцу Су Данян. Наверняка будет над чем посмеяться!

– Любезнейший Пэй! – заговорила Су Данян, обмахиваясь веером. – Мне понятно твое желание лицезреть прелестную Бирюзовую Царицу, но, видишь ли, она нынче уехала в предместье Хонг развлекать своим пением высокородного цзиньши господина У Паня. Вернется она не скоро, а может быть, и наоборот – с минуты на минуту. Согласен ли ты подождать немного?

– О, конечно, госпожа. – Парень залился краской и поклонился. – Если позволите...

– Присядь на подушки, любезный Пэй, – гостеприимно сказала Су Данян. – Мои девицы поднесут тебе лучшего вина...

– Благодарю, госпожа, но я простойловец креветок и привык пить воду, а не вино. Вино – это для богатых.

– Нет-нет, сегодня ты мой гость, ловец Пэй, – возвысила голос Су Данян. – А потому выпей лучшего вина.

– Сейчас ему наверняка подадут уксусу, – усмехаясь, прошептал Ши Мин поэту. – А он выпьет и из вежливости скажет, что это прекрасное вино. Смотрите, смотрите!

И впрямь девица, подававшая Пэю чарочку, едва могла удержать смех, а в воздухе распространился едкий запах уксуса, такой, что глаза слезились.

– Выпей, дорогой Пэй, – сказала Су Данян рыбаку. – Это мое лучшее вино. Выпей за здоровье Бирюзовой Царицы!

Ловец креветок, на лице которого проступило явное сомнение по поводу качества поданного ему вина, был слишком вежлив, а возможно, и слишком влюблен, чтобы выражать свои сомнения вслух. Он одним махом осушил чарку с уксусом, побагровел, вытер выступивший на лбу пот и сказал:

– Крепкое же у вас вино, госпожа Су Данян!

Тут всех гостей – наблюдателей за этим зрелищем – словно прорвало. Они принялись хохотать беззастенчиво и нагло, громко переговариваясь меж собой:

– Вот так рыбак!

– Видно, кишки у него луженые, коли он до сих пор держится на ногах!

– Не дать ли ему еще и щелока – пожалуй, и его этот рыбак сочтет прекрасным вином!

Бедный ловец креветок стоял понурившись.

– Дорогой Пэй! – воскликнула Су Данян. – Сам видишь, моя милая Бирюзовая Царица задерживается. Приходи в другой раз, да не забудь захватить корзину свежих креветок. Тогда, может, и углядишь Бирюзовую Царицу! А пока прощай.

Рыбак поклонился и хотел было ступить на трап, но тут его остановил высокий и повелительный голос:

– Кто здесь желает видеть Бирюзовую Царицу?

Пэй замер у борта, замерли и остальные гости.

А обладательница повелительного голоса поднялась по трапу с другого борта и неверной заплетающейся походкой прошла по палубе. Ее роскошные одежды были в полном беспорядке, из распахнутого халата проглядывало то нежное плечо, то верх высокой груди. К тому же девушка была босиком – без туфель и лент для бинтования. Волосы ее, растрепанные и неприбранные, напоминали своей пышностью и чернотой грозовую тучу.

– Кому здесь потребовалось видеть меня? – воскликнула Бирюзовая Царица, ибо это действительно была она.

– Ах, Сюэ, быстро же ты вернулась от своих поклонников, и в таком виде! Что с тобой? – тревожно воскликнула Су Данян, забыв на мгновение и про рыбака Пэя, и про остальных гостей.

– Эти мерзавцы напоили меня! – пожаловалась Сюэ. – Нет у них приличного вина, так подали дрянную рисовую барду. Ах, голова болит! Ах, тело ломит! Будь прокляты те, кто вместо вина подает всякую пакость! Будь они неладны, эти высокородные гости! Как они мне надоели! Так кто хотел видеть меня, хозяйка?

– Ты не в себе, Сюэ, – заметила Су Данян. – Ступай в свои покои, выпишись, отдохни.

– Сама знаю, что мне делать! – резко заявила девица. – Разве не я владею своим телом и временем?

– Успокойся, Сюэ, – сказала хозяйка. – Но я думаю, что ты снова будешь недовольна. Тебя очень хочет увидеть (и почтет это за великую честь) вон тот простец.

Пэй тем временем во все глаза смотрел на Бирюзовую Царицу. Даже в таком неприбранном виде, пьяная и растрепанная, она все равно была воистину прекрасна. Лицо напо-

минало тыквенное семечко, на нежных щеках алел румянец, густые ресницы осеняли глаза, сверкающие, как два черных бриллианта. А от сочных и трепетных губ невозможно было отвести взгляда. Да что говорить! Девушка была прелестна, как резная статуэтка из яшмы. Недаром она слыла первой красавицей среди полуночных бабочек и не было ей равных в искусстве Нефритовых покоев...

– Простец? – удивилась Сюэ, поправляя свой халат, отливавший бирюзовым цветом. – С каких это пор мной интересуются простецы?

– Ах, Сюэ, да он будет счастлив лишь от того, что сподобится одного твоего взгляда, – затараторила хозяйка. – Это рыбак Пэй, который всегда поставляет нам свежих креветок.

– Что ж, – пьяно ухмыльнулась Бирюзовая Царица, – пусть посмотрит и скажет, хороша ли я. Эй, рыбак! Подойди и посмотри на меня.

Пэй на негнущихся ногах подошел к Сюэ и низко поклонился ей.

– Лицезреть вас, великая госпожа, непосильное, счастье для меня, – сказал он.

– Ах, – засмеялась Сюэ. – Простец, а говорит на языке высокородных. Как звать тебя, рыбак? Сколько тебе лет?

– Вашего смиренного раба зовут Пэй, о госпожа. Впустую я прожил на земле двадцать два года... О нег! Теперь, когда я увидал вас, могу сказать, что прожил жизнь не впустую!

– Так что же, я прекрасна? – спросила Бирюзовая Царица.

– Прекраснее, чем звезды в небесах, и совершеннее божественных вершин горы Шицинъ, – пылко сказал Пэй.

– Да ты поэт, рыбак! – снова засмеялась девица, а за нею и все гости. – Угощу-ка я тебя вином...

Рыбак, которого Су Данян уже угостила уксусом, побледнел.

– Ваш смиренный раб не смеет пить вино, – сказал он. – Это пристало лишь богатым да знатым...

– Чепуха! – отрезала Сюэ. – Выпей со мной. Эй, подайте нам шансинского! У меня в горле пересохло!

Служанка подала две чарки с вином.

– За твою удачу, рыбак! – весело воскликнула Сюэ.

– За ваше процветание, госпожа! – ответил ловец креветок.

Они выпили. На этот раз на лице ловца креветок отразилось удивление и удовольствие – шансинское вино было в меру крепким, в меру сладким и ароматным. Тут произошла странность: видно окончательно запьянев, Бирюзовая Царица повалилась всем телом на рыбака, что опять-таки породило среди зрителей смешки и непристойные намеки. Пэй стоял ни жив ни мертв. Наконец он вежливо подхватил девицу под руки и усадил в кем-то подставленное кресло. Сюэ тут же захрапела, погруженная в крепкий сон пьяниц. Тут уж вмешалась Су Данян:

– Ступай, ступай, дорогой Пэй. Видишь, моя девочка совсем выбилась из сил. Если захочешь снова ее увидеть, приходи в другой раз.

Рыбак, отвешивая бесчисленные поклоны, поторопился уйти. Вскоре послышался плеск воды, разгоняемой веслами, – это отчалила лодка Пэя.

Сонную Бирюзовую Царицу на руках отнесли в ее покои. А замершее на миг веселье возобновилось с прежней силой. Заиграли флейтистки, принялись танцевать танцовщицы, а гости опять пили и кутили.

– Как тебе эта забавная сценка, друг? – спросил Ши Мин у молодого поэта.

– Пожалуй, я опишу ее в своем следующем стихотворении, – сказал Юйлин Шэнь. – Страсть молодого рыбака к прекрасной певичке... Кстати, Бирюзовая Царица и впрямь была бы недурна, если б не была столь пьяна.

– Твоя правда, друг! – расхохотался Ши Мин.

Между тем рыбак Пэй споро греб, с каждым взмахом весел отдаляясь от роскошной «Летящей ласточки» в темноту сонных предместий. Наконец он остался один на реке. Кругом было тихо и пустынно. Тогда рыбак засветил в лодке крошечный фонарик, при свете которого можно было разглядеть разве что ладонь. На свою ладонь и смотрел сейчас рыбак, смотрел сосредоточенно и холодно. На ней лежал развернутый шелковый носовой платок. На платке темнели столбики иероглифов.

«Требуется дополнительные сведения по нашему вопросу. Встреча в известном месте. Будьте осторожны и внимательны. Пароль прежний» – вот что прочел неграмотный рыбак на шелковом платке. Затем он опустил платок в воду и старательно смыл с него все написанное. При этом лицо у Пэя было вовсе не простецкое, а строгое и сосредоточенное. Казалось, что теперь это совсем другой человек.

Покончив с платком, Пэй потушил фонарик и поплыл дальше в своей лодке – навстречу тишине, темноте и неизвестности, трем лучшим своим друзьям.

Цзюань 3 РАДИ СЕРДЦА И ДЕРЖАВЫ

Сегодня день писем. Принцесса бледна
И еле выводит слова:
«О мой повелитель, восходит луна,
Но я почему-то жива.
О мой повелитель, тебя я молю,
Чтоб небо осталось при нас.
А тот, кого я без печали люблю,-
Он мой завершает рассказ.
О мой повелитель, как флейта поет
У входа в запретный дворец!
И сердце, печальное сердце мое
Почуяло, видно, конец.
Но, может быть, я ошибаюсь. И с тем
Письмо завершаю. Прости».
Принцесса уходит путем хризантем,
И нету прекрасней пути.

«Великий государь и брат мой!

Ваша смиренная сестра Фэйянь вновь осмеливается беспокоить вас по известному вопросу. Вопрос сей касается вашего семейного положения.

Государь, вы уже в том возрасте, когда юноше прилично стать мужчиной и выбрать себе законную супругу. Наложницы, сколь бы ни были они важны в расписании дворцовых покоев, все же не заменят той, которая станет носить почетный титул императрицы...»

Принцесса Фэйянь написала это и задумалась, грустно подперев рукой щеку. Письмо своему державному брату писать не хотелось. Фэйянь корила себя за это пренебрежение вопросами продолжения императорского рода, но ничего не могла с собой поделать.

Жизнь на Лунтане, острове драконов, приучила принцессу Фэйянь к блаженной неге и беспечности. Остров драконов был прекрасен. Здесь царили мир и процветание, потому что вряд ли бы кто-то осмелился потревожить покой всемогущих и равных богам драконов. Лунтан походил на шкатулку, полную редкостей, диковин и драгоценностей. Горы Лунтана сплошь заросли яркой, сочной зеленью, широколиственными деревьями-исполинами, гулять под тенью которых было истинным удовольствием. Солнце просвечивало сквозь невесомое кружево листвы и пестрыми бликами ложилось на траву, на цветы и затерянные в глуши горных лесов родники, журчащие тонко и нежно, словно кто-то играл на флейте. Водопады Акан и Синли завораживали своей гордой красотой. Вода с грохотом и снопами брызг низвергалась в глубокие ледяные озера... Над водопадами всегда стояли в воздухе разноцветные радуги. Гора Итань была вся изрыта пещерами и подземными ходами – здесь когда-то обитали первые драконы, праотцы нынешних. Теперь подданные острова драконов селились в рукотворных дворцах, изваянных прихотью и выдумкой людей-архитекторов, а гора Итань и ее пещеры считались священными, местом паломничества и поклонения драконам-предкам.

Рукотворные дворцы, площади, галереи и мосты появились на острове драконов сравнительно недавно – всего какую-то тысячу лет назад. Тогда у берегов Лунтана потерпело кру-

шение судно великого мореплавателя Ро Кимчена, уроженца далекой и неизведанной страны Жемчужный Завет. Ро Кимчен вместе с оставшейся в живых командой поклонились хозяевам-драконам и постепенно познакомили последних с такими благами цивилизации, как архитектура и садоводство. Тогдашний повелитель Лунтана дракон Баосюй Старший милостиво отнесся к пришельцам. Ро Кимчен предложил повелителю заключить договор со своей страной. Договор заключили, и следующие несколько лет на остров приплывали корабли из Жемчужного Завета и привозили строителей, рабочих, архитекторов, землемеров и геомантов. Уроженцы Жемчужного Завета выстроили на Лунтане дворцы и молитвенные башни – пагоды, террасы и чайные павильоны, храмы и беседки. Взамен правители Жемчужного Завета попросили у повелителя Лунтана лишь одного: вечного покровительства драконов царствующему дому Жемчуга. Драконы не раздаривают свое покровительство всем подряд и, наоборот, сторонятся всяческих связей, но тут делать было нечего – дворцы уже были выстроены, а драконы не хотели, чтобы их сочли неблагодарными. Так остров драконов стал покровительствовать стране под названием Жемчужный Завет.

Когда пришел срок Баосюй Старшего отправиться умирать к священным пещерам, он назначил князем над драконами своего сына Баосюй Младшего. Но Баосюй Младший отличался непоседливым нравом, что вообще-то было странно для драконов, любивших проводить время в неподвижной созерцательности и размышлениях о превратностях Великого Пути. Баосюй Младший, едва ему минуло две тысячи лет, решил повидать иные земли, страны и обычаи. Так он попал в Яшмовую Империю, где задержался надолго – поначалу из любви все к тем же приключениям, а позднее – из-за любви к принцессе Фэйянь из династии Тэн. Когда принцесса Фэйянь стала супругой Баосюй Младшего и навела порядок в Яшмовой Империи, непоседливый дракон заскучал по родным местам. В конце концов Фэйянь и Баосюй покинули Яшмовую Империю и перебрались на Лунтан.

Лунтан встретил их своей непреходящей красотой и ненарушимым покоем. Никто не осмеливался тревожить божественных драконов, а сами драконы настолько были погружены в созерцательность и проникновение в суть вещей, что и не мыслили вести захватнические войны. Да и к чему? Все нужное драконам на Лунтане водилось в избытке. Правитель Баосюй и принцесса Фэйянь приняли от драконов подобающие их сану почести и тихо зажили во дворце, носящем название Родник Благодати. Этот дворец был на десятки тчи окружен вишневыми садами, а совсем неподалеку от изысканных как кружево дворцовых стен, бил теплый источник с целебной водой.

«Милостивый брат мой, – склонившись над свитком, снова принялась выводить иероглифы Фэйянь. – Прошу вас внимательнейшим образом подойти к вопросу брака. Вы и я, а также многочисленные ваши подданные веруют, что после смерти человек становится духом и не отказывается ни от житейских потребностей, ни от нужды в жертвах, обеспечивающих его достойное загробное существование. Потому в интересах всякого человека оставить после себя на земле таких лиц, которые несли бы на себе обязанности жертвоприношений. Дорогой брат мой, помните: кто одиноким странником жил на земле, тот не пользуется спокойствием и благополучием после смерти. Печальна участь души, блуждающей или сиротствующей, ибо некому принести жертвы в ее честь, некому вознести о ней молитвы Небесному Владыке! Скажете вы, редко бывает, чтобы человек умирал, совсем не имея родных. Но родные родным рознь, и есть те, кому возможно совершать жертвоприношения, а кто и не достоин такой чести.

Прекращая земную жизнь, рассчитывать на какого-нибудь пятиуродного племянника и в нем искать опору своего посмертного бытия не совсем удобно: племянник должен служить собственным усопшим родителям и более близким родственникам; где же ему еще думать о людях почти посторонних?... Только в собственных детях и потомках может найти человек (буде он и император) надежных для себя жертвователей. Только со своими детьми

может заключить он посмертный завет относительно взаимных услуг на почве обоюдной любви. Потому неразумно медлить достойному человеку в деле брака и обзаведения потомством, ибо промедление в таком деле может прогневать наших усопших предков...»

Принцесса Фэйянь снова отложила кисть. В душе ее зашевелился червячок неприятного сомнения. Это сомнение касалось вопросов потомства. Для брата принцессы Фэйянь не было тайной то, что она, как всякая женщина, хотела детей. Однако ее союз с драконом был пока бесплоден, и это угнетало принцессу. Возможно, потому она и торопила брата с женитьбой.

«Благодарение Небесам, мой супруг и я живем благополучно и спокойно, – вывела следующую строку принцесса Фэйянь. – Подданные наши воистину мудрейшие и совершеннейшие из подданных. Край наш полнится изобилием и достатком всего, так что нет у нас причин для тревоги или недовольства. Одна лишь печаль волнует мое сердце – то, что вы еще не избрали себе достойную супругу и императрицу, дорогой брат».

Фэйянь подождала, пока бумага просохнет, и свернула письмо в трубочку, запечатала собственной печатью. Встала из-за стола, прошлась по комнате, стараясь разогнать тревожащие ее мысли. То, что ее брат, император Жэнь-дин, до сих пор не был женат, на самом деле беспокоило не одну ее, и Фэйянь знала об этом. Императрица – это не только законная супруга. Это власть, а при должном разумении еще и сила. Как ни любила Фэйянь своего младшего брата, но иногда он казался ей слишком мягким и слабым для того, чтобы попить Яшмовый престол. Фэйянь тряхнула головой, стараясь освободиться от недостойных мыслей. Вышла на балкон. Над балконом свешивались в густом переплетении ветки, полные спелых вишен. В ветвях сустились дрозды, зимородки и свиристели, клевали сочные ягоды, так что вишневый сок фонтанчиком брызгал из-под треснувшей кожицы.

Но птицам недолго пришлось наслаждаться императорскими вишнями. Всколыхнулся воздух, закачались ветки, вспугнутые пичуги взвились вверх и улетели прочь, а принцесса Фэйянь, склонив голову и сложив церемонно руки, приветствовала своего супруга, дракона Баосюя, владетельного князя острова драконов.

Владетельный князь грациозно уселся на балконные перила (предусмотрительно крепкие и огнеупорные), сложил крылья и посмотрел на жену.

– Судя по твоему мрачному личику, дорогая, – сказал дракон, – ты снова занималась тем, что писала письмо своему брату.

Фэйянь усмехнулась:

– Ты прав, дорогой.

– Я всегда удивлялся твоему чувству долга. – Дракон поскреб когтем по чешуйчатым пластинам на груди. – Оно у тебя такое огромное, больше, чем все горы на нашем острове.

– Баосюй, ты преувеличиваешь. Я просто...

– Просто ты вбила в свою прелестную головку, что императору Жэнь-дину необходимо срочно жениться. Между тем я, со своей стороны, поддерживаю твоего мудрого братца в том, что с женитьбой можно и не торопиться. Я так две тысячи лет в холостяках гулял и не могу пожаловаться. Ну представь, вот женится твой брат. И поскольку он еще слишком молод, то выберет себе в жены какую-нибудь первую красавицу страны с пустой головой и глупыми, но обольстительными глазами.

– Не может такого быть, – возмутилась Фэйянь. Впрочем, возмущение ее было наполовину притворным. Как верная и добродетельная супруга, она всегда прислушивалась к словам и суждениям своего мужа.

Тем более что мыслил он не по человеческим меркам, а по драконьим.

– Вполне может, – махнул лапой Баосюй. – Человеческие юноши легкомысленны и бестолковы, как, впрочем, и девушки, потому в спутники жизни выбирают не того, кто поселится в сердце, а того, кто затмит красотой небеса.

– Дорогой, ты хочешь сказать, что полюбил меня исключительно за душевные качества, а не за красоту? – Принцесса Фэйянь раскрыла свой веер с треском, напоминающим треск ломающегося бамбукового ствола.

Дракон хмыкнул, выпустив из пасти струйку пара:

– Я похож на того, кто польстится на красоту или мудрость? Почтеннейшая моя супруга, да будет тебе известно, что я полюбил тебя, лишь за то...

Но дракон не успел договорить, за что же именно он полюбил свою красавицу-жену. Потому что на уровне балкона в воздухе завис, трепеща крылышками, крохотный сиреневый дракончик почтового ведомства. В передних лапках у него был зажат бумажный свиток.

– Пишью ее вышоществу принцешше Фэйянь! – прошепелявил почтовый дракончик. Дракончики почтового ведомства все шепелявили, потому что мало упражнялись в изучении человеческого языка. Считалось, что для того, чтобы разносить почту, достаточно самой малости знаний.

Фэйянь протянула руку и взяла свиток. Лицо ее осветилось улыбкой.

– Это от брата, – сказала она мужу.

Почтовый дракончик, неистово работая полупрозрачными крылышками, умчался в вышину.

– Тебя оставить наедине с письмом? – поинтересовался Баосюй.

– Нет, Баосюй, останься, пожалуйста. Неужели для тебя неважно, о чем пишет твой шурин?

– Из предыдущих писем я понял, что слог его чересчур напыщен, а суть написанного сводится к одному: дорогая сестрица, у меня все прекрасно и отстань от меня со своим нытьем по поводу женитьбы.

– Баосюй!

– Скажешь, я не прав?

– Прав, как всегда. Но меня расстраивает именно то, что ты всегда прав. – Фэйянь вздохнула и, сломав печати, развернула свиток.

«Любезная сестра моя!

Я возрадовался сердцем, когда получил твое письмо. Ты пишешь о том, что все спокойно на острове Изумрудного Клана драконов, в этом нахожу я утешение. Однако то, что ты пишешь мне касательно женитьбы, несколько расстроило меня. Дорогая сестрица, ты, конечно, права: мне давно следует жениться. Но вся беда в том, что я не могу выбрать себе спутницу по душе. Пишешь ты, что следует пригласить во дворец самых родовитых и красивых девиц Пренебесного Селения и из них выбрать себе подругу жизни, но что-то претит мне сделать это. Разве истинную любовь можно обрести лишь среди богатых и прекрасных? Недавно я перечитывал рукопись древнего мудреца Тинь Тая, где он говорит, что за малым мы можем не увидеть поистине великого. Нет, сестрица, позволь мне повременить с женитьбой. Тем паче что в последнее время заботят меня куда более важные дела. Прискорбно говорить об этом, но появился в Яшмовой Империи лиходеи и вор, именуемый себя Медноволосый Тжонг. До последнего времени он грабил дома почтенных и знатных горожан Яннани и Луманцзы да, по слухам, разорял богатые монашеские обители, но вот уже две последние луны он орудует нагло в Тэнкине, и никакими силами невозможно напасть на его след. Во время проведения государственного экзамена на степень цзиньши этот лиходеи каким-то сверхъестественным способом похитил двести восемнадцать золотых щитов, украшающих крышу Зала Возвышенной Мудрости. Мало того. Тут же была обнаружена пропажа четырех Благожелательных Жезлов, хранимых в опечатанной сокровищнице. Никто из дворцовой стражи не видел вора, никаких следов не оставил Медноволосый Тжонг, кроме разве что двух медных волосков – в насмешку и издевательство над нами. Не могу спать спокойно, пока в столице орудует бесстыжий вор! Того и гляди, подданные пойдут к императору с

жалобами, а император и сам обокраден! И дворцовая охрана, и служба внешней безопасности, и Тайная служба – все находятся в постоянном поиске злодея, но, к сожалению, поиски пока тщетны. Может быть, поимка Медноволосого Тжонга – дело, которое выше человеческих сил? Вот чем озабочен я, любезная сестра. Скажешь ты, что поимка вора – забота службы безопасности и императора касаться не должна, но этот наглец своими выходками словно бросил мне вызов. Посему взял я на себя обет не помышлять о женитьбе до тех пор, покуда не будет пойман и наказан Медноволосый Тжонг. Из последних новостей хочу сообщить тебе также, что в прошлую луну к нам прибыл посол из Жемчужного Завета. Страна эта плохо известна нам, доселе мы не были ни друзьями, ни врагами. Теперь же императрица Жемчужного Завета предлагает нам дружбу и сотрудничество. Вижу в том добрый знак, но прошу супруга твоего, владетельного князя Баосюя, сообщить мне свои мысли по поводу дружбы с указанной страной, поскольку я знаю, что Изумрудный Клан покровительствует царствующему дому Жемчужного Завета...»

– Жемчужный Заве-э-э-эт, – протянул дракон. – Мы действительно покровительствуем их царствующему дому, но, по чести тебе сказать, дорогая, мы не питаем к людям этой страны чувств возвышенной дружбы.

– Как тебя понять, Баосюй? – Принцесса Фэйянь опустила руку со свитком и внимательно посмотрела на мужа. Тот сверкнул изумрудно-золотыми глазами.

– Мы, драконы, недоверчивы, – ответил Баосюй. – Мы не любим откровенничать и уж тем более навязывать кому-либо свое общество. Мы любим затворничество, одиночество и спокойное созерцание мимо проходящих событий. Но люди Жемчужного Завета превзошли даже нас в недоверчивости и скрытности. Когда я встречался с ними, а такое бывало изредка, то не мог отрешиться от мысли, что у каждого жителя Жемчужного Завета по два лица – одно для внутреннего мира, а другое для внешнего. Они поклоняются нам, они сотрудничают с нами, но никогда невозможно прочесть истины в их глазах, их глаза переменчивы, как небо осени, – то сияет солнце, то все затянуто тучами.

– Это говорит о лицемерии, – сказала принцесса Фэйянь.

– Да, они лицемерны. Скрытны и лицемерны.

– Это не свидетельствует в их пользу.

– Наоборот. Они заставили все окружающие страны с уважением и опаской относиться к ним. Жемчужный Завет – крошечная держава по сравнению с Яшмовой Империей или, допустим, Тарсийским Ожерельем. Поначалу жителей Жемчужного Завета считали чуть ли не дикарями. Но, когда несколько веков назад к власти там пришел дом Нун Чхонов, все изменилось. Страна словно переросла самое себя. Первый властитель из династии Нун Чхон провозгласил империю и стал строителем державы. Он учредил ранги и ритуалы, создал законы и правила жизни, и не прошло и века, как в отсталой стране соседние державы увидели соперника, которого следует опасаться. Жемчужный Завет обзавелся императорской армией сатораев...

– Саторай? Кто это?

– Саторай – бесстрашные и искусные воины, всецело преданные только императорскому дому. У сатораев нет семей, обзаводиться детьми они считают делом позорным для мужчины...

– Они евнухи?

– Насчет этого не знаю, дорогая. Знаю только одно: в любой битве с сатораем побеждает саторай. Война – их ремесло, убийство себе подобных – воздух, которым они дышат. Это люди крови и смерти. Нам, драконам, они неприятны, но, впрочем, какое нам до них дело. Жемчужный Завет и его непобедимая армия – всего лишь капля в океане бытия, растилающегося перед нашим взором. Но горе той стране, на которую Жемчужный Завет пойдет войной...

– Эти слова пугают меня, – помолчав, сказала принцесса Фэйянь.

– Отчего?

– Оттого что Жемчужный Завет стал проявлять пристальное внимание к Яшмовой Империи.

– Не волнуйся, милая. Саторай, возможно, и бесстрашные и неутомимые воины, но теперешняя императрица Завета – Почтенная Матушка Чхунхян – по всем свидетельствам, сторонница мира и добротолубия. Она благочестива, мудра и прозорлива.

– А саторай...

– Что?

– Они не могут устроить восстание против императрицы и ее законов?

– Для саторая императорская власть священна, насколько мне известно. Они не могут посягнуть на святыню. Императрица Жемчужного Завета не просто императрица. Она еще и воплощенное божество и всеобщая мать подданных. Именно потому ее называют Ют-Карахон-Отэ – Почтенная Мировая Матушка. Да что это такое? Сегодня продохнуть нельзя от почтовых драконов!

Возмущение Баосюя было понятно, поскольку перед балконом, трепеща крылышками, снова висел дракончик почтового ведомства.

– Пищмо ее вышощещшту принчещще Фэйянь! – прошепелявил дракончик. В солнечном луче сверкнула золотая печать, которой было запечатано новое письмо.

Фэйянь взяла свиток.

– От кого бы это? – удивилась она. – Печать мне незнакома.

Баосюй мельком глянул на печать и присвистнул от удивления.

– Недаром мы с тобой вели речи про Жемчужный Завет, дорогая, – сказал дракон. – Судя по печати, тебе как раз пришло письмо от Ют-Карахон-Отэ, державной владычицы Чхунхян, императрицы Жемчужного Завета. Очень любопытно.

Фэйянь сняла печать и развернула свиток.

– Как изящно написано! – подивилась она.

– У императрицы Чхунхян хорошие придворные каллиграфы, – пояснил дракон.

Фэйянь, которую что-то кольнуло в сердце при слове «каллиграф», перевела дыхание и начала читать вслух:

– «Почтенной и достославной принцессе Фэйянь, владычице Изумрудного Клана и острова Лунтан, – всегда радоваться.

Известно стало нам, что принцесса Фэйянь исполнена благочестия, добрых дел и милосердия. Оттого в нашем сердце возникло желание незамедлительно лицезреть принцессу Фэйянь на празднике ханомии, во время которого весь Жемчужный Завет любителю расцветают вишнями...» Баосюй! – прервалась принцесса Фэйянь.

– Мг-м?

– Вот это странно!

– Что именно?

– В Жемчужном Завете вишни только зацветают, тогда как на Лунтане они уже принесли плоды.

– Ничего странного. Жемчужный Завет – край суровый, погода там по большей части холодная и сырая, а на Лунтане – сама знаешь – вечное лето. Мне странно другое.

– Да, Баосюй?

– Ют-Карахон-Отэ желает лицезреть тебя, но ничего не пишет о том, чтобы ты приехала с супругом.

Фэйянь внимательно прочитала письмо до конца и растерянно произнесла:

– Действительно... Что это значит, Баосюй?

– Полагаю, то, что праздник ханомии – исключительно женский праздник.

– Баосюй, я не вижу ничего забавного в этом! Не думаю, что императрица Чхунхян не знает, что я замужем. И должно быть, ей известно, что замужней женщине не пристало отправляться куда-либо без мужа!

– Ты не просто замужняя женщина, ты – принцесса.

– Это ничего не меняет. Правила чести одинаковы и для принцесс, и для простолюдинок, и горе той, что пренебрежет этим.

– Мне нравится твоя строгость, дорогая, – усмехнулся дракон. – Что же ты предпримешь?

– Отвечу императрице Чхунхян вежливым отказом, в котором намекну, что вот уже несколько лет, как я никуда не выезжаю без мужа.

– Недальновидно.

– То есть?!

– Поверь, дорогая, если Ют-Карахон-Отэ хочет видеть тебя одну, значит, ей для чего-то это нужно. Для чего? Пока затрудняюсь сказать. А вдруг действительно ханоми – торжество, в котором принимают участие только женщины? Ют-Карахон-Отэ – верховная жрица всех кумирен Жемчужного Завета, а я, по правде сказать, никогда толком не разбирался в их верованиях. Может быть, ты нужна для священнодействия. Понадобился бы для священнодействия дракон, она бы, верно, так и написала: приезжайте со своим драконом...

– Баосюй!

Дракон нежно лизнул жену в щеку:

– Не переживай, дорогая. Я не такой уж зверь, как тебе кажется...

– Баосюй...

– И потому отпускаю тебя на Жемчужный Завет в одиночестве. Нет, с дюжиной слуганок, конечно. Ты все-таки принцесса, тебе положена свита.

– Служанки будут из драконов?

– Конечно.

– Это хорошо. Пусть императрица Чхунхян поймет, что поступила нелюбезно, не пригласив на торжество моего мужа.

– Вообще-то я даже благодарен ей за приглашение тебя и неприглашение меня. Я не люблю всякие торжества и церемонии, ты же знаешь. А тебе стоило бы развеяться, пообщаться с себе подобными. Я ведь понимаю, каково это, когда все твои прислужницы с пастями и хвостами...

– Баосюй, я привыкла. Лунтан – моя вторая родина.

– Ты и не изменишь Лунтану, если совершишь путешествие в Жемчужный Завет.

Фэйянь села в низенькое кресло, коснулась рукой балконной решетки:

– На душе у меня как-то пусто от этого приглашения. Нет тревоги, но нет и радости.

– Вот-вот. Фэйянь, жизнь на Лунтане испортила тебя.

– Как это?

– Видишь ли, дорогая, – дракон нервно переступил перепончатыми лапами, – жизнь на Лунтане – Это жизнь для драконов. Для тех существ, которые время измеряют столетиями, не суетятся, не спешат жить, как вы, люди. А ваш век недолог, к тому же вы любите опережать его. Вам нужны перемены, приключения, страхи, радости, победы, разочарования – все то, от чего ваши сердца бьются яростней. А мы живем только покоем и созерцанием. Покой старит тебя, моя милая жена, я это вижу. Тебе нужно расправить свои крылья. Погрузить сердце в пучину перемен.

– Баосюй, ты не знаешь, о чем говоришь, – вздохнула Фэйянь. – Я, может быть, боюсь перемен.

– А вот в это я не верю. Ну, полно разговоров. Ради своего сердца и державы ты, Фэйянь, должна отправиться на Жемчужный Завет. Я немедленно дам распоряжение о том, чтобы снаряжали корабль.

– И все-таки я волнуюсь...

– Это обычное дело перед дальней дорогой. Если хочешь унять волнение, ступай в храм Морского Бога – попроси его послать на время твоего путешествия хорошую погоду.

Баосуй еще раз лизнул Фэйянь в щеку и сорвался с балконной решетки, в падении разворачивая свои прекрасные крылья. Фэйянь в который раз залюбовалась мужем. А затем отправилась в комнату – писать ответное письмо императрице Чхунхян. Над балконом уже кружили в полной готовности два дракончика из почтового ведомства.

Цзюань 4 ДВЕНАДЦАТЬ НИТОК ЖЕМЧУГА

Встретив друг друга,
Даже с коней не сошли.
Каждый помчался
Дальше дорогой своей.
Желтая выюга
Листья кружила вдали.
Так начиналось
Время великих царей.
Так уходила
Старая истина прочь —
Гроном доспехов
И посвистом бешеных стрел.
В колокол била,
Билась тревожная ночь.
Знало лишь эхо
Тех, кто спастись не успел.
Знало лишь солнце,
Знал обагренный рассвет
Тех, кто остался
В темных курганах степных.
И не вернется
Прошрое. Времени нет.
Стяг развевался
Знаком свершений иных.

Весна в Яшмовой Империи подошла незаметно, среди повседневной суеты, больших и маленьких забот государства. И лишь когда сошли снега и на деревьях мэйхуа появились первые розоватые бутоны, все словно опомнилось, замерли на миг и сказали: «Слава Небесной Канцелярии! Пришел месяц Проснувшейся Сливы, пришла весна».

Перед сияющим ликом весны отступали заботы и тревоги. Даже поимка вора со звучным именем Медноволосый Тжонг показалась незначительным делом городским и окружным начальникам розыскных служб. Что ж, в их подчинении тоже люди, а у всех этих людей имеются земельные наделы, пускай и небольшие. Или сады. Или один-единственный куст яшмовой розы, оперившийся тонкими ярко-зелеными листиками. Медноволосый Тжонг и иже с ним воры, жулики и прочие пройдохи могут и подождать, а вот весна ждать не может, у нее каждый солнечный денек на счету!

Простолюдины и высокородные, крестьяне и чиновники — все отряхивали с себя зимнюю негу и сонливость, вдыхали напоенный ароматом влажной земли воздух и спешили принести жертвы на алтари предков — чтобы предки умоляли богов послать Империи благоприятное лето и богатые урожаи. Все ждали великого праздника — праздника Императорской Борозды. После этого праздника начиналась посевная — сеяли пшеницу, рис, сорго и чумизу. И если в день Императорской Борозды бесменно сияло на чистом небе солнце, то старики говорили: весна и лето в Империи будут благодатными и обильными.

В пятнадцатый день месяца Проснувшейся Сливы наступил праздник Императорской Борозды. Раннее утро встретило его легким туманом, но вскоре туман рассеялся, выпуская из своих пуховых объятий солнце. В монастыре Четырех Земных Благодатей размеренно и гулко зазвенел большой колокол, возвещая о начале торжественного моления. Этот монастырь был основан и выстроен в пределах Заветного города – императорской столичной резиденции. Монастырю покровительствовал сам Яшмовый император Жэнь-дин, отличавшийся, как известно, нравом самым благочестивым. В это утро император не спал, впрочем, император всегда старался вставать рано и не делать своему телу никаких послаблений.

Помолившись милостивой богине Гаиньинь и совершив омовение, император Жэнь-дин прошел в церемониальную палату. Здесь его уже ждали двенадцать прислужников – все из числа самых высокородных сановников. Каждый сановник держал что-либо из праздничного императорского облачения.

– Благословенна Небесная Канцелярия! – привычно возгласил Жэнь-дин.

– Благословен бессмертный император Жэнь-дин из династии Тэн, вершащий правосудие, повелевающий солнцу сиять! – хором ответили двенадцать сановников, и церемония облачения началась. Император терпеливо сносил все неудобства от жесткой, корбящейся, как тростниковая циновка, парчи, от туфель из чистого золота (по дворцовой легенде, ими натирали ноги все предыдущие поколения императоров, поэтому мозоли от золотых туфель тоже были традицией и императорской привилегией). Облачение пахло благовониями и стариной – седой, легендарной, полузабытой. У императора от этого запаха слегка закружилась голова, но это быстро прошло.

Облачившись, император вышел из церемониальной палаты, и теперь его встречали девять монахов из обители Четырех Земных Благодатей. А колокол продолжал размеренно звучать, призывая к молитве и благим деяниям.

В сопровождении монахов император Жэнь-дин проследовал от церемониальных покоев к главному храму обители. Храм имел четыре алтаря, посвященных Земным Благодатям – Воде, Земле, Металлу и Рису. Император принес жертвы на каждый из алтарей и перед каждым алтарем преклонил колена в молитве. Следом за императором колена преклоняли два престарелых высокопоставленных сановника. Им предстояло играть важную роль в грядущей церемонии.

Помолившись, император Жэнь-дин и оба сановника вышли из храма через южные, служебные двери. Сразу за этими дверями расстилалось священное монастырское поле; влажная, освободившаяся от снегового гнета земля ждала плуга и семени. На краю поля почтительно замерли дворцовые музыканты и певцы, которым предстояло сопровождать ритуал торжественной музыкой и гимнами.

– Я всегда волнуюсь перед началом, – тихо пробормотал император, так тихо, чтоб, не дай Небесная Канцелярия, не услышали сановники. – Боги, как же жмут эти туфли! И кто их только выдумал...

Музыканты грянули торжественный гимн, и под этот гимн император в сопровождении сановников подошел к запряженному волу и взялся за плуг. Конечно, императорский плуг был изготовлен из особого сплава драгоценных металлов и украшен самоцветами, но не это влияло на важность мгновения. Сановники принялись понукать вола, тот важно качнул головой и, тяжело ступая, пошел вперед. Император вел плуг, а монахи шли следом и бросали во вспаханную землю семена из золотых чаш. Император провел первую борозду и остановился. Трудно ему не было, и он признавался себе, что с удовольствием поработал бы еще плугом, но это было бы вопиющим нарушением ритуала. И наверное, даже священный вол воспринял бы это как кощунство и посмотрел на Жэнь-дина с глубоким осуждением.

Жэнь-дин передал плуг двум подоспевшим князьям, и те принялись вносить свой вклад в общее дело прославления весны. Сам же император отправился в раскинутый на

краю поля шатер. Если б Жэнь-дин был женат, то в шатре бы его ожидала жена и старшие дети. А поскольку он до сих пор был вопиюще холост, в шатре его поджидали три министра-цзиньши. Они почтительно осведомились у владыки о самочувствии и настроении.

– Все прекрасно, – сказал Жэнь-дин. – Извольте оставить меня одного.

– Но указы, государь...

– Какие указы в праздник Борозды?

– Государь, это не терпит отлагательств. Вот указ о назначении новой награды за сведения о местопребывании вора по прозвищу Медноволосый Тжонг...

– О, как не вовремя. – Император недовольно нахмурился.

– Указ об отмене налога на мужские косички...

– А вот это действительно вовремя, – посветлел лицом государь, который сам носил длинную косу и платил за нее в казну немалые деньги. – Налог на мужские косички! Ничего нет глупее!

– Этот налог был введен узурпаторшей Шэси...

– ...И хорошо, что мы подвергаем его забвению, – прервал цзиньши император. – Что еще?

– Указ о возведении в Тэнкине храма, посвященного божественной принцессе Фэйянь.

– То есть моей сестре? Хм-м. Не думаю, что это понравилось бы ей или ее супругу. Нет. Это не подпишу. С этим можно и подождать. Вот явится сама принцесса...

– Принцесса собирается посетить Яшмовую Империю государь?

– Во всяком случае, это было бы неудивительно. Но довольно. Пора продолжать церемонию. Князя уже допахали? – Император выглянул из шатра и, окинув взглядом поле, болезненно поморщился: – Ну кто так пашет!

– Князь Нун Су, государь.

– Да уж... Вижу. Запишите: князя Нун Су больше на церемонию Борозды не приглашать. Такие пахари – позор для Империи. Пусть князь лучше устраивает пиры и прочие... развлечения. Похоже, это ему больше подходит.

– Будет исполнено, государь.

Меж тем многочисленные удельные наместники допахивали поле. Каждый пропахавший по три борозды подходил к императорскому шатру и низко кланялся государю за оказанную честь. А солнце уже двигалось к полуденной черте...

Ровно в полдень снова ударил колокол обители Четырех Земных Благодатен, но теперь в его торжественный звон примешивались некие веселые и даже разудалые звуки. Немудрено. Ведь этим звоном возвещалось всем жителям столицы, что празднество переходило от торжественной части к той, в которой царили пиры, веселье и подарки. Государя Жэнь-дина в паланкине отнесли в Малый Аметистовый дворец, где, по традиции праздника, ему следовало немного отдохнуть, прежде чем отправиться на главный пир. В Малом Аметистовом дворце для отдохновения государя отводилась особая комната, которую стерегли шесть высокопоставленных евнухов. И дело было не только в безопасности божественного императора. В этой комнате ожидали императора парадные одежды, усыпанные драгоценностями, как вешний луг – цветами, и главное – золотой венец, украшенный двенадцатью нитями редкостного драконьего жемчуга. Легенда говорит, что драконий жемчуг находят на морских отмелях там, где в полнолуние плакали драконы. А так как плачущий (да еще в полнолуние!) дракон являлся чрезвычайной редкостью, то понятно, почему венец с двенадцатью нитями жемчуга почитался одним из главных сокровищ державы.

Жемчужины, кстати, и впрямь были прекрасны. В каждой нити их насчитывалось по три десятка. Полновесные, крупные, молочно-белые, с розоватым сиянием, идущим изнутри, эти жемчужины напоминали кружево морской пены или первые снежинки, падающие на землю. Император Жэнь-дин, равнодушный к украшениям вообще, тем не менее

любил рассматривать жемчуг на венце. Этот жемчуг понуждал мыслить о возвышенном, о нетленной чистоте, о непорочности, о святости. Недаром было замечено, что, после того как государь надевает венец с двенадцатью нитями жемчуга, в императорский дворец приглашаются монахи и мудрецы – для молебствий и толкования древних священных книг.

Вот и сегодня император Жэнь-дин, оставшись в одиночестве своих покоев, отдался смиренному созерцанию волшебного жемчуга. Государь знал, что его ожидают сановники и знать, собравшиеся на главный пир, что без него этот пир не начнется, а придворных не следует томить ожиданием, но... Император разоблачился, сняв с себя тягостные церемониальные одежды Первого Пахаря Империи и остался лишь в желтом атласном халате, украшенном вышивкой – золотыми драконами о четырех когтях.

Жэнь-дин опустил на ложе с высоким подголовником и взял со столика резную шкатулку, в которой хранился венец. Открыл крышку, и ровное перламутровое сияние, исходящее от драконьего жемчуга, казалось, заполнило всю комнату. Император улыбнулся этому сиянию как ребенок, погрузил пальцы в шкатулку, но в этот миг что-то несильно укололо императора под затылком, в шею. Жэнь-дин хотел было поднять руку, чтобы потереть место укола, но рука не хотела подниматься, да и все тело налилось сладкой тяжестью крепкого сна. И император уснул, держа в безвольных руках шкатулку с венцом.

Сон увлек императора, закружил в своем пестром несбыточном царстве. Снилось императору, что идет он в одиночестве по берегу моря и накатывающие волны нежно касаются его босых ног. Император идет и видит, что по правую руку от него простирается море, сияющее, словно россыпи изумрудов и бирюзы, а по левую руку – возвышаются величавые горы, поросшие бамбуком и алым мискантом. Где-то вдали возникает и затихает звон одинокого колокола – он зовет, но не настойчиво, а робко, будто невзначай. Во сне дороги наши не то что въяве. Император прошел совсем немного по морскому берегу и тут увидел, что перед ним на границе моря и гор стоит изящный чайный павильон. Подойдя поближе, государь увидел, что резные столбы, поддерживающие крышу павильона, увиты алыми шнурами, к которым прицеплены сотни серебряных колокольчиков, и эти колокольчики звенят от малейшего дуновения ветра. А колокольчикам в вышине вторят большие белые чайки...

Над приотворенными дверями висел большой золотой колокол – он-то и звенел так нежно, он-то и звал императора. Жэнь-дин, ощущая в сердце странную робость, вошел в павильон, отодвинув створку двери.

Оказалось, что внутри чайного павильона не комнаты со столиками, а сад – сад цветущих персиковых и сливовых деревьев. Легкие розовато-красные лепестки кружились в воздухе, медленно опадали, устилали пол ароматным ковром... Император замер, любуясь этой совершенной красотой. Ведь он был молод, а в молодости любая красота тревожит, бережит сердце, заставляя его неровно стучать и замирать отчего-то.

Неожиданно ветви персиковых деревьев качнулись, осыпая все вокруг новым дождем из лепестков, и император увидел, как к нему кто-то идет. Жэнь-дин всмотрелся пристальнее, и сердце его забило так сильно, что, казалось, выскочит из груди. Потому что навстречу ему шла девушка, прекрасней которой не было и не могло быть в целой вселенной! Ее лицо нежностью напоминало полураспустившийся бутон пиона, стройный стан окутывали легкие светлые шелка, а крохотные ступни украшали сверкающие серебряные туфельки. Девушка подошла к императору и поклонилась. Тот понял, что краснеет от смущения.

– Кто ты, прекрасная дева? – спросил Жэнь-дин, понимая, что голос едва повинуется ему.

Девушка улыбнулась легкой, едва уловимой улыбкой и снова поклонилась.

– Приветствую тебя, чужеземец, – певучим голосом проговорила она. – Судя по твоемуговору, ты выходец из Яшмовой Империи, а судя по одежде – человек высокого положения.

– Да, это так, – кивнул Жэнь-дин, отчего-то ощущая нетерпение. – Я император Яшмовой Империи, но это неважно. Скажи мне, как твое имя, прекрасная дева?

– О государь. – Теперь девушка смотрела на него с печалью, а ее легкие пальцы перебирали и теребили планки голубого шелкового веера. – О государь, не прогневайся, но я не могу назвать тебе своего имени.

– Отчего же?! – воскликнул Жэнь-дин.

– Оттого, – грустно сказала девушка, – что у меня его нет.

– У тебя нет имени? – изумился государь Жэнь-дин.

– Да, – кивнула девушка. – Я живу здесь одна, а привезли меня сюда малым ребенком. Феи моря и гор вырастили меня, учили своим чудесам, но феи не могут давать человеку имени, ведь, если феи нарекут человека именем, он никогда не вернется к себе подобным. А я мечтаю вернуться в мир людей!

– Как же ты попала сюда, прекрасная дева? Помнишь ли ты своих родителей?

– Нет, мне неизвестно, кто мои родители. И кто привез меня сюда, я тоже не знаю. Помню лишь, что они часто упоминали Вечно Печальную Государыню, а кто это – мне неизвестно. Я спрашивала у фей, кто я и какое будущее ожидает меня, но феи не любят таких расспросов, потому я перестала спрашивать. Мне кажется, я живу в этом саду много-много лет и деревья здесь не перестают цвести, хотя их цветение не приносит мне радости, а только печаль.

– А хочешь, – воодушевился император, – хочешь, я увезу тебя отсюда? Увезу в свою страну! Ты увидишь – она прекрасна и достойна тебя!

– Но что я буду делать в вашей стране, государь?

– Ты станешь моей женою и императрицей Яшмовой Империи...

– Вы хотите сделать меня своей женою, государь? – переспросила девушка, отчего-то побледнев.

– Это стало моим единственным желанием с того мига, как я увидел тебя, – пылко ответил император Жэнь-дин. – До сих пор я не видел достойнейшей и прекраснейшей девы, которая смогла бы делить со мной престол Пренебесного Селения. Но ты, о дивная безымянная красавица, поразила мое сердце... Сжался, не отвечай отказом! Все богатства мира я положу к твоим ногам!

– Богатства – прах и тлен, – ответила девушка. – Одно лишь ценно – искренне любящее сердце. О государь! Если вы действительно имеете сердечное расположение ко мне и правдиво ваше желание сделать меня своей женой, вам придется пройти три испытания, чтобы доказать это.

– Я готов, – просто ответил император Жэнь-дин.

– Иного ответа я страшилась услышать, – кивнула девушка. Дивные глаза ее сияли нежностью. – Идемте, государь.

Девушка поклонилась и взяла императора за руку, отчего тот вновь покраснел. Так они вышли из сада-павильона. Но что это? Вокруг, куда ни кинь взгляд, не было ни моря, ни гор! Пустынная темная равнина простиралась перед императором и его прекрасной спутницей. Дул холодный пронизывающий ветер, по небу неслись темные тучи, сыпал дождь... Холод охватил было сердце императора, но Жэнь-дин сильнее стиснул узкую ладонь девушки, и холод отступил.

– Не страшно ли вам, государь? – спросила девушка.

– Было страшно одно мгновение, но теперь страх прошел, – ответил Жэнь-дин.

– Это честные слова, – посветлела лицом девушка. – Как радостно их слышать! Вы прошли первое испытание, мой государь. А теперь извольте следовать за мной.

И девушка пошла вперед по тропинке, едва заметной на серой каменистой земле. Император следовал за нею. Девушка шла, печально поникнув головой, а император огля-

дывался по сторонам. И скоро он увидел, как на равнине тут и там забелели казенные плиты и изваяния – Жэнь-дин понял, что они с девушкой идут по заброшенному кладбищу. Плиты, изваяния, надгробия, урны – все это подступало вплотную к узкой тропинке. Над надгробиями свистел ветер, под ногами хрустели старые, выбеленные временем кости. Давешних чаек сменили какие-то громадные черные птицы, наводящие тоску и непонятный ужас своими зловещими пронзительными криками.

– Это кладбище Неприкаянных Душ, – сказала девушка. – Только смелый сердцем человек сможет пройти сквозь него и не пострадать.

– Что ж, – ответил государь Жэнь-дин, – надеюсь, что мое сердце не подведет меня.

И едва император вымолвил эти слова, как над могилами поднялся странный туман. Он принял очертания множества человеческих тел и пополз к тропинке, по которой шли император и безымянная девушка.

– Пришшли на ссмерть ссвою посссмотреть, – зашипели призраки мертвыми жуткими голосами. – На земле не осстанетессь!

– Страшно ли вам, государь? – спросила девушка. – Пойдете ли вы дальше или вернемся в сад чайного павильона?

– Страх перед смертью гнетет сердце всякого человека, даже и императора, – ответил Жэнь-дин. – Но я пойду за тобой, куда бы ты меня ни повела.

Тут же призраки развеялись, а девушка сказала:

– Мой государь, вы прошли второе испытание. Мое сердце благодарно вам...

– Скоро ли третье испытание? – нетерпеливо воскликнул Жэнь-дин. – Ибо я жажду наречь тебя своей невестой...

– Уже скоро, – сказала девица и направилась к свеженасыпанному могильному холму.

Возле холма лежали заступ и мотыга. Девушка взяла мотыгу, а императору подала перепачканный в сырой земле заступ:

– Копайте, мой государь! – А сама принялась орудовать мотыгой, разрывая свежую могилу...

У императора заledenело сердце от отвращения – что может быть омерзительнее раскапывания могил?! Но он скрепил себя и начал помогать безымянной красавице.

Наконец мотыга и заступ заскребли о деревянную крышку гроба. Гробик был совсем крошечный, и Жэнь-дин понял, что это детский гроб. Ему становилось все страшнее и страшнее, но он сдерживал свой страх. Девушка наклонилась над неглубокой могилой и легко достала маленький гроб.

– Что ты делаешь? – пробормотал государь Жэнь-дин, а девушка ответила:

– Я проголодалась.

Она сорвала с гроба крышку, и государь увидел, что в гробу лежит совершенно белый младенец. Девушка же, радостно улыбнувшись, впила зубами в младенческую ручку и сказала:

– Ах, как вкусно!

Жэнь-дина передернуло от отвращения. Голова у него кружилась, он уже проклинал тот миг, когда увидел прекрасную девицу, вероятно оказавшуюся оборотнем... Ему хотелось убежать без оглядки от разрытой могилы... И тут девушка отломила у младенца другую ручку и протянула ее императору:

– Ешьте и вы, государь, если хотите наречь меня невестой!

Жэнь-дин еле удержался, чтобы не броситься прочь. Сердце его болезненно билось, но он протянул руку и взял то, что предлагала ему девушка.

– Ешьте! – повторила она.

Государь зажмурился и откусил кусочек от руки... Но что это? Во рту стало приятно-сладко, как будто он съел...

– Вареный сахар, – растерянно пробормотал государь. – Это же вареный сахар!

– Да, варенный в молоке сахар, – смеясь, подтвердила девушка. – Сахар и ничто больше, мой государь! Вы прошли третье испытание!

Едва она проговорила это, тучи в небе разошлись, выпуская на волю ослепительное солнце. И под лучами этого солнца могила, кладбище, надгробия – все исчезло, растаяло как дым. Вокруг, куда ни глянь, простирался персиковый сад с распустившимися цветами.

– Это все феи, мои воспитательницы, – сказала девушка императору. – Они придумали такие испытания для тех, кто захочет сделать меня своей невестой. Вы, государь, первый из всех, кто прошел эти испытания.

– Значит, ты станешь моей женой? – в волнении спросил Жэнь-дин.

– Да, ответила девушка. – Я почту это за честь для себя. Одно лишь смущает мое сердце: отпустят ли меня феи, мои воспитательницы...

– Так я спрошу у них! – нашелся Жэнь-дин.

– О нет, нет, не сейчас! – воскликнула девушка. – Феи сами найдут вас, мой господин!

А пока нам следует расстаться...

– Когда мы снова встретимся? – спросил Жэнь-дин.

– Я не знаю, – ответила девушка. – Когда улыбнется судьба. Не забывайте меня, государь, и я не забуду вас...

Голос девушки тускнел и терялся, и император понял, что просыпается. Ощущение потери кольнуло его в сердце, и он с тоской открыл глаза. И увидел перед собой почтительно согнувшегося евнуха из числа дворцовых распорядителей.

– Что такое? – пробормотал Жэнь-дин, окончательно просыпаясь.

– Все готово для начала торжественного пира, о государь, – проговорил евнух, кланяясь. – Я немедленно пришлю слуг, дабы они помогли вам облачиться.

– Да, да, – рассеянно кивнул Жэнь-дин. Он перевел взгляд на свои руки и увидел, что все еще сжимает шкатулку с венцом.

Император откинул крышку шкатулки, чтобы достать венец, и побледнел. Побледнел и евнух.

– Мой владыка, – прошептал он испуганно.

Венец в шкатулке был, и император достал его. Но двенадцати нитей драконьего жемчуга, ранее крепившихся к венцу, не было и помину. Вместо них в двенадцать петель были продернуты длинные тонкие медные волоски...

– Медноволосый Тжонг, – прошептал император, чувствуя, что в сердце заплескалась неукротимая ярость. – Стража! Ко мне, сюда!

Евнух порскнул прочь.

...Через три минуты перед государем стояли четыре верховных начальника дворцовой стражи и мрачно созерцали оскверненный венец.

– Я хочу знать, – размеренно говорил государь, – как этот негодяй незамеченным проник во дворец. Кроме того, я хочу знать, каким образом он, миновав все сторожевые посты, добрался до моих покоев. И далее, мне необходимы сведения о том, где находится Медноволосый Тжонг и когда он будет пойман. Велите каллиграфическому ведомству написать сотни объявлений, и пусть их расклеят по всему Тэнкину и окрестностям! Я, император Жэнь-дин, повелеваю всякому порядочному гражданину Пренебесного Селения приложить все усилия к обнаружению и поимке Медноволосого Тжонга. За сведения о местонахождении лиходея награда пять тысяч фыней. За голову злодея награда двести тысяч фыней и княжеский титул! Ищите и найдите его!

Отдав эти распоряжения, расстроенный император позволил слугам облачить себя для пира. Впрочем, следует сказать, что государю было совсем не до пиршества и увеселений. И тревожила его не только бессовестная выходка Медноволосого Тжонга. Государь думал

о том, что никогда не встретит наяву приснившуюся ему красавицу, а это повергало его в безысходную печаль...

...Пир между тем был роскошным. На столах стояли самые изысканные яства и вина; десятки музыкантов, танцовщиц и певцов услаждали зрение и слух пирующих. За окнами вспыхивали потешные огни и шумели толпы придворных, радующихся празднику весны...

Дворцовые дамы, нарядные, раскрасневшиеся и осмелевшие от вина, решили устроить в честь государя потешное представление. Но Жэнь-дин смотрел представление рассеянно. Голова императора туманилась, взор застилала пелена, почему-то хотелось плакать...

– Государь, что с вами? Вы бледны, – проговорил один из министров.

Император ничего не ответил и в обмороке упал навзничь.

Пир тотчас же прекратился. Слуги унесли императора на носилках. В государевы покои были призваны дворцовые лекари. Они осмотрели императора и доложили министрам, что у государя сильнейшая лихорадка, вызванная какими-то переживаниями. Государь бредит, не приходит в себя и никого не узнает.

Слух о болезни государя быстро разнесся по столице. Праздничное веселье сменилось постом и молитвами – чуть ли не в каждом доме приносили жертвы и воскуряли ароматы, молясь о благополучии и здоровье молодого императора. Даже на джонке госпожи Су Данян прекратились всякие развлечения.

На следующий день были срочно созваны верховные министры.

– Здоровье государя не улучшилось, – сказал один министр.

– Лекари делают все возможное, но не надеются, – сказал другой.

– У государя нет наследника и нет императрицы, – многозначительно добавил третий, и после этой фразы все министры долго молчали.

– Необходимо срочно известить всемилостивую принцессу Фэйянь о болезни ее светлейшего брата, – заявил четвертый.

И с этим заявлением все согласились. Немедленно было составлено послание принцессе Фэйянь и вызван почтовый дракончик. Молодой, но полностью осознающий важность порученного ему дела. Он резво взмахнул крылами и унесся ввысь, едва ему передали свиток с печальными новостями.

– Вызовем лучших гадателей Империи, – решили министры. – Пусть они соберутся и предскажут судьбу императора. В случае печального исхода нам придется решать, кто займет Яшмовый престол.

Цзюань 5 РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКЗАМЕНОВ

Дождь над рекой Цанхе,
Дождь над святой столицей.
Дождь позолоту крыш
Смыл в бесконечность луж...
В каждом моем стихе
Мне будет солнце сниться,
Будет расти камыш —
Бог неотпетых душ.
Дождь над дворцом. И дождь
Льет над моей лачугой.
Старый гнилой тростник
Не защитит меня.
Спросят: «Чего ты ждешь?»
Я отвечаю: «Чуда!
Чтоб новый мир возник
За два иль за три дня!
Чтобы с души короста
Спала. И свет чудесный,
Радостный и манящий,
Все осветил на миг...
Но это так непросто.
Дождь напевает песни.
Голос его звенящий
Будит уснувший мир.

Болезнь императора погрузила страну в печаль, но не могла остановить течения жизни. Едва прошел праздник Борозды, как на дверях Зала Возвышенной Мудрости вывесили результаты экзаменов на степень цзиньши. Соискатели, три луны назад писавшие сочинения, в волнении собрались у широких белых досок с иероглифами фамилий счастливицов. Были тут и наши старые знакомые — поэт Юйлин Шэнь и томный северный красавец Ши Мин.

Ши Мин внимательно просмотрел список и просиял:

— Слава Небесной Канцелярии! Мое сочинение получило одну из высших оценок! Теперь мне, несомненно, дадут степень цзиньши и какой-нибудь пост в государственной управе! Это надо отпраздновать, брат!

Юйлин Шэнь между тем стоял перед доской со списком, и на лице его отражалась растерянность.

— Весьма странно, — сказал он. — Но моего имени нет в списке прошедших испытания.

— Что? — поразился Ши Мин. — Этого не может быть, брат!

— Да вот, взгляни сам...

Ши Мин еще раз пробежал глазами список.

— Вот чудеса, — протянул он. И тут же подозвал служителя из Зала Возвышенной Мудрости: — Эй, приятель!

Тот подбежал:

– Что угодно молодому господину?

– Скажи-ка, здесь вывешены списки с окончательным решением?

– Истинно так. Все сочинения проверены и оценены самим господином Лу Синем, первым императорским каллиграфом.

– Я же говорил, – махнул рукой Юйлин Шэнь. Было видно, как он огорчен.

– Не печалься, брат, – постарался утешить его Ши Мин. – В следующем году опять попробуешь себя в сдаче экзаменов.

– Сестра расстроится, – сказал Юйлин Шэнь. – Она так надеялась, что я получу должность...

– Ты можешь зарабатывать на жизнь стихами. Ведь у тебя такие прекрасные стихи! – воскликнул Ши Мин.

– Стихами не заработаешь на дом с усадьбой, – грустно усмехнулся Юйлин Шэнь. – Поэтам платят медяки, так было во все века...

– погоди-ка! – сказал Ши Мин. – Смотри, вон несут еще какое-то объявление.

И впрямь из Зала Мудрости вышел служитель с небольшим свитком в руках. Он развернул его и прикрепил к стене. Ши Мин и Юйлин Шэнь поспешили к новому объявлению. Вот что там говорилось:

«Господин Юйлин Шэнь приглашается на собеседование к господину Лу Синю, первому императорскому каллиграфу, в любое удобное для него время».

– Подумай-ка! – ахнул Ши Мин. – Сам императорский каллиграф желает побеседовать с тобой, брат! Может, удача еще не отвернулась от тебя?!

– Не знаю, – покачал головой Юйлин Шэнь. – Ничего не поделаешь, надобно идти. Скажи, я прилично выгляжу?

– Прилично выглядишь и трезв к тому же, – смеясь, воскликнул Ши Мин. – Ступай не мешкая! Эй, любезнейший!

– Что угодно почтенному молодому господину?

– Вот этот человек – господин Юйлин Шэнь, которого приглашает на собеседование сам императорский каллиграф. Может быть, проводишь его?

– Разумеется, разумеется! Идемте, молодой господин!

– Я подожду тебя в кабачке «Зеленая тыква»! – крикнул Юйлин Шэнь его друг.

Незадачливый поэт меж тем торопливо шел за служителем через Зал Возвышенной Мудрости. Здесь шли ремонтные работы – чинили крышу, которая с той поры, как Медно-волосый Тжонг снял с нее золотые щиты, сияла дырами и прорехами. Из Зала Возвышенной Мудрости служитель повел Юйлин Шэня темной длинной галереей и вывел к небольшому павильону, окруженному распустившимися ранними ирисами. Над павильоном красовалась вывеска: «Приют одинокого».

– Сюда пожалуйста, – сказал служитель. – Здесь господин Лу Синь изволит читать и работать. Сюда Юн велел привести вас...

Юйлин Шэнь не без робости переступил порог павильона. Осмотрелся. Павильон пока был пуст. У резных стен стояли седалища, привезенные из страны Хургистан и называемые диванами. В центре павильона красовался большой овальный стол, украшенный мозаикой. На столе лежали бумаги, тушечница, кисти – все самого прекрасного качества.

– Вам нравятся кисти из барсучьего волоса? – услышал Юйлин Шэнь неожиданный вопрос. Он резко обернулся. В дверях стоял господин Лу Синь, первый императорский каллиграф и с любопытством смотрел на поэта.

Юйлин Шэнь мигом встал на колени и сложил руки в церемониальном поклоне:

– Ничтожный просит прощения за то, что оторвал вас от дел, господин первый каллиграф!

– Я всегда нахожу время для тех, кто привлек мое внимание, – негромко и отдельно произнес Лу Синь. – Встаньте с колен, прошу вас, и присядьте вот на этот диван...

– Ничтожный не смеет...

– Оставьте церемонии. Вы ведь стихотворец?

– Не смел бы так себя именовать, но мои стихи вроде бы читают, а потому...

– Моих стихов не читает никто, но тем не менее я считаю себя поэтом. Так поговорим как поэт с поэтом, господин... Юйлин Шэнь.

– Как вам будет угодно, господин первый каллиграф.

Юйлин Шэнь сел на заморский диван. Лу Синь устроился напротив. Достал из рукава халата длинную связку аметистовых четок и начал медленно их перебирать. Несколько секунд длилось тягостное молчание. Наконец Лу Синь заговорил:

– Вы, верно, были удивлены и расстроены, не увидев вашего имени в списке прошедших экзамены?

– Да, это так, господин первый каллиграф. Все в мире тлен и тщета, но ничтожный человек все равно стремится к преуспеянию...

– Это так. Наверняка вас мучает вопрос: отчего ваше сочинение не вошло в список лучших? Ведь так?

– Да, господин первый каллиграф. Мне казалось, я написал его... достойно.

– Вынужден вас огорчить: вы не раскрыли тему, увлекшись ненужными красотами описаний.

Юйлин Шэнь склонил голову:

– Что ж поделать... Быть может, в следующем году я снова попытаю счастья и тогда мне повезет больше.

– И вновь я вынужден вас огорчить, господин Юйлин Шэнь. Я написал указ, согласно которому вы не допускаетесь ни к каким экзаменам.

Юйлин Шэнь побледнел:

– Отчего такая жестокость ко мне, господин первый каллиграф?

Лу Синь поднялся с дивана и подошел к гостю:

– Оттого, что девицам не положено сдавать государственные экзамены!

Наступила тишина. В этой тишине было слышно, как где-то далеко, в императорских садах, выводит свою нежную трель лихуа.

– Как вы догадались? – едва слышно спросил (точнее, спросила) Юйлин Шэнь.

– Будем считать, что у меня наметанный глаз, – сказал Лу Синь. – А вы... Как вы, девица, лишившись девического смирения и стыда, решились на такой недостойный поступок?!

– Что же недостойного в том, что я хочу принести пользу стране и государю? – воскликнула Юйлин Шэнь.

– Женщина должна знать свое место и приносить пользу в женских покоях, а не на государственных должностях! – рявкнул Лу Синь. – Вы позорите своих почтенных родителей, если думаете иначе!

– У меня нет родителей и никогда не было, – проговорила Юйлин Шэнь. В глазах ее стояли слезы, и первый каллиграф, увидев эти слезы, смягчился. Он отнюдь не был жено-ненавистником, просто его немного испортила государственная служба.

– Как так – не было родителей? – тихо спросил Лу Синь.

– Ни я, ни моя старшая сестра их не помним. – Юйлин Шэнь отерла слезы платком. – В раннем детстве мы жили при монастыре У-Чао, монахини воспитывали нас... Когда моей сестре исполнилось шестнадцать лет, а мне одиннадцать, монастырь закрыли, поскольку он был очень беден. Монахини разошлись кто куда, пришлось и нам с сестрой бродяжничать.

У нас не было никаких родственников на всей земле... Это было настоящее одиночество, господин первый каллиграф, и в нем вовсе не было никакого блаженства!

– Я понимаю, – тихо сказал Лу Синь.

– Сестра устроилась на работу поденщицей в одном селе. Я помогала ей. Моя сестра была настоящей красавицей, и ей предлагали стать певичкой, зарабатывать большие деньги, а заодно продать в певички и меня, но сестра отказывалась от этой греховной доли. Женщина может прокормить себя не только телом, так говорила моя сестра. Мы жили где придется, брались за любую работу, даже самую тяжелую, а потом нам повезло. Мы хорошо знали грамоту и владели тремя каллиграфическими стилями письма, поэтому в одном небольшом городке на востоке Яшмовой Империи нам дали работу младших чиновников. К этому времени и я, и моя сестра носили мужскую одежду и вели себя по-мужски. Так легче прожить. Никто не пристаёт с грязными намерениями, да и работа быстрее находится.

– Я понимаю, – сказал Лу Синь.

– Когда моей сестре исполнилось двадцать два года, она возмечтала о том, чтобы я получила государственную должность. Для этого нужно было сдавать экзамены. Я долго готовилась, читала сочинения мудрецов, учила правила... А моя сестра работала и копила деньги для предстоящих экзаменов – ведь столько расходов связано с ними! Наконец в одной провинции, где мы жили в то время, объявили экзамены на степень сюэя. Я написала сочинение и оказалась в списке выдержавших! Моя сестра так радовалась. Я могла работать письмоводителем в провинциальной управе, но сестра сказала, чтобы я готовилась к более сложным экзаменам. «Я хочу видеть, тебя в числе дворцовых служащих!» – говорила она мне.

– А почему ваша сестра сама не решилась пройти испытания на звание дворцового служащего? Юйлин Шэнь потупилась.

– Господин первый каллиграф, – сказала она едва слышно, – боги оказались немилостивы к моей сестре: от рождения она имеет недостаток...

– Какой же?

– Она слепа на один глаз. Слабого зрением мужчину еще примут на службу письмоводителем или мелким чиновником, но на высшие должности лучше не надеяться...

Лу Синь походил взад-вперед по павильону. Девица Юйлин напряженно следила за ним.

– А почему вы с вашей сестрой не пошли путем, которым идут все достойные женщины? Почему вы не вышли замуж?

– О господин первый каллиграф! – воскликнула Юйлин. – Поначалу мы с сестрой мечтали о замужестве! Но разве найдутся достойные женихи для двух безродных сирот! Впрочем, два года назад мою сестру взял второй женой один писатель из провинции Самнин. Его имя Леньшао, он уроженец земель Жумань...

– Никогда не слышал о таком писателе, – покачал головой Лу Синь.

– Немудрено, господин первый каллиграф. Он написал всего-то несколько книг, но и те у него не приняли к рассмотрению в столице. Наверное, поэтому господин Леньшао сделался человеком желчным и жестоким. Его старшая жена жила в постоянном страхе и от этого сильно болела сердцем. Когда господин Леньшао предложил моей сестре стать его второй женой, он, видно, надеялся, что она принесет ему хоть какое-то приданое, хотя мы предупреждали его, что мы – сироты без роду-племени. Какое уж тут приданое требовать! Но Леньшао настоял на свадьбе, сестра вошла в его дом и...

– И?

– И все равно что попала к подземным демонам, господин первый каллиграф! Этот писатель оказался сущим мучителем для моей бедной сестры. Сам он бездельничал с утра до ночи, подымался с лежанки за полдень и сразу принимался пить вино. Если же вина не

было, Леньшао бил сестру и прогонял ее в винную лавку. Денег не было ни фыня, в лавке давно не отпускали в долг, и сестре приходилось идти на всякие уловки и унижения, лишь бы раздобыть пьянице-мужу хоть кувшин перекишшего вина. Напившись, Леньшао выходил на улицу, громко пел песни собственного сочинения и ругал судьбу, которая безжалостно не замечает его великих способностей...

– Как часто он бил твою сестру? – спросил Лу Синь.

– Каждый день, – потупясь, сказала Юйлин Шэнь.

– И она терпела?

– Да. А куда нам было идти? У нас не имелось своего жилища, а господин Леньшао дал нам хоть крышу над головой. С тех пор сестра и умоляла меня готовиться к высшим экзаменам, потому что, если я получу должность в государственных палатах, я смогу выкупить сестру у ее жестокого мужа.

Юйлин замолчала, украдкой отирая слезы. Первым заговорил Лу Синь:

– История ваша и вашей сестры правдоподобна, и хочется ей верить...

– О господин первый каллиграф, я ни в чем не солгала вам! Верьте мне! Мне часто приходилось лгать – прохожим на дорогах, хозяевам постоянных дворов, соискателям на экзаменах... Особенно перед соискателями, такими же как я, стараюсь играть роль беззаботного юноши, у которого все в жизни прекрасно. И стихи я пишу легкие, как летние облака...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.